

Андрей Курейчик

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Драматургический роман в четырёх актах

Действующие лица:

Роберт Дуклиан, профессор медицины, 52 года.

Сара Дуклиан, его жена.

Мешиах, 34 года.

Малхира, 82 года, ходит необычайно прямо, сильный румынский акцент.

Иммануил Кант, около 30 лет, носит франтовской, напудренный парик.

Леди Анна, 26 лет, потрясающая женщина.

Джеймс Максвелл, 35 лет, порывистый, нервный и растрёпанный.

Готфрид Лейбниц, 62 года, очень толст, больные ноги, ходит опираясь на толстую палку, носит огромный, пышный парик.

Леонардо Да Винчи, 46 лет, носит толстенные очки.

Вольвганг Гёте, около 50 лет.

Джонатан Фультон, 27 лет, мелкий клерк юридической фирмы.

Стравинский Александр Николаевич, профессор медицины.

Томас, дворецкий.

Катерина, медсестра.

Сэм, слуга.

Уилл Кокс, грабитель.

Поджер, 2-ой грабитель.

Алисия, дочь профессора.

Горничная в Нью-йоркской гостинице.

Санитары, охранник.

Действие происходит в усадьбе Персив-холл, Эксмур, Англия в период между мировыми войнами.

АКТ 1.

“Экспозиция”

Сцена 1.

Зала усадьбы Персив-холл. На заднем плане восемь комнат в два этажа, жизнь в которых идёт постоянно(!!!), даже если главное действие прямо это не описывает. Звонок в дверь. Выходит Томас и идёт открывать. Входит Фультон.

Томас. Добрый день, сэр. Чем могу помочь?

Фультон. Здравствуйте, я... я к лорду Дуклиану.

Томас. По какому вопросу?

Фультон. Я Джонатан Фультон, юрист из Бристоля, по делу — он должен знать.

Томас. Следуйте за мной, сэр. Подождите здесь. Я доложу... *(Уходит. Фультон один. Видно, что он впервые в такой роскошной обстановке. Рассматривает картины. Входит Дуклиан.)*

Дуклиан. Приветствую вас, я Роберт Дуклиан. Чем обязан?

Фультон. Простите... Я Фультон, сэр... э-э-э, лорд Дуклиан, Джонатан Фультон из юридической фирмы “Симпсон и Фреккенберг”. Вы звонили, я пришёл.

Дуклиан. Ах, да... Я вас ждал. Мистер Симпсон порекомендовал мне вас, как перспективного молодого специалиста. У меня есть для вас кое-какая работа.

Фультон. Я сделаю всё, что смогу.

Дуклиан. Предупреждаю, работы много. Но я щедро её оплачиваю, мистер Фультон, не сомневайтесь. *(Входит Томас.)*

Томас. Лорд Дуклиан, вас к телефону — профессор Стравинский из Брюсселя.

Дуклиан. Спасибо, Томас. Вы меня простите, мистер Фультон, очень важный звонок, давно его жду. Вас не затруднит подождать меня?

Фультон. Конечно, конечно я подожду.

Дуклиан. Очень хорошо. *(Уходит вместе с Томасом.)*

Сцена 2.

Фультон один. Входит Кант.

Кант. Вы кто?

Фультон. *(Ошарашенный его видом).* Я...

Кант. Вы.

Фультон. Я Фультон. Здравствуйте.

Кант. Документы есть?

Фультон. Вот. *(Протягивает документы, но Кант даже не смотрит на них.)*

Кант. По какому делу в Персив-холле?

Фультон. Я... я по приглашению лорда Дуклиана. Юрист из Бристоля. Лорд Дуклиан, он...

Кант. Он выписал себе юриста? Зачем?

Фультон. Он мне ещё не сказал.

Кант. Забавно. Разрешите представиться, я Кант.

Фультон. Кто?

Кант. Кант.

Фультон. Какой Кант?

Кант. А что их было много?

Фультон. Не уверен, я слышал только про одного...

Кант. Про какого же, позвольте узнать?

Фультон. Ну был там один философ во Франции...

Кант. В Германии.

Фультон. Да, в Германии. Я помню, он жил в семнадцатом веке...

Кант. Восемнадцатом.

Фультон. Вспомнил, в восемнадцатом.

Кант. У вас потрясающие познания для вашего возраста, мистер Фультон. И как его звали?

Фультон. *(Неуверенно).* Францем?

Кант. Почти. Иммануилом.

Фультон. Я знал, но забыл. Забыл.

Кант. Я вам верю. Так вот я и есть тот самый Иммануил Кант.

Фультон. То есть как?

Кант. Так. а что в этом такого?

Фультон. Но вы... Но он умер...

Кант. Неужели? Это неприятно. Вы знаете, мистер Фультон, вы меня расстраиваете. Кстати, откуда вы знаете, что я умер?

Фультон. Знаю... Я читал.

Кант. Что вы говорите. Где?

Фультон. Не помню.

Кант. Как же вы можете утверждать тогда, что я умер? Да и мало ли кто что пишет? Вам наврали.

Фультон. Но тот Кант умер, умер! Давно умер! Лет двести назад. Уже от него только кости и остались.

Кант. (*Хохочет*). Кости? Очаровательно. Клянусь богом, это просто очаровательно. Послушайте, Джонни, вы ведь позволите вас так называть, как по вашему, я похож на скелет? Ну если не учитывать мою худосочность... Отвечайте.

Фультон. Ну, допустим, нет.

Кант. Как это “допустим”? Похож или нет?

Фультон. Не похожи.

Кант. Вот видите, я не скелет, я двигаюсь, я ем. (*Ест виноград*). Несколько эксцентричное поведение для мертвеца, не правда ли?

Фультон. Но вы — это не вы!

Кант. Вот так новость. Я — не я. Странно... Тогда объясните мне, недалёкому, Джонни, кто же я, если я — не совсем я, а совсем даже и не я?

Фультон. (*Пауза*). Что?

Кант. Ну вы по адресу пришли. Хорошо, оставим это. Так вы говорите лорд Дуклиан пригласил вас сюда?

Фультон. Да. Он сказал, что только недавно купил этот замок, и что ему необходим юрист, чтобы уладить некоторые формальности.

Кант. И лорд Дуклиан не пояснил что за формальности, и вообще, для чего он приобрёл эту усадьбу?

Фультон. Мне ничего об этом не известно. Мистер Симпсон дал мне задание, я приехал... (*Кант начинает хохотать*).

Кант. (*Хохоча*). Значит не знаете?

Фультон. А что вас так рассмешило в моём ответе?

Кант. Вы простите мне мою минутную слабость...

Фультон. Но что вас так рассмешило, мистер...

Кант. Кант.

Фультон. ...Кант?

Кант. Не обращайтесь внимания, Джонни. Неожиданно вспомнился один забавный анекдот. Так вы не знаете, что это за усадьба?

Фультон. Нет.

Кант. Великолепно! И вам не известно чем занимается лорд Дуклиан?

Фультон. Филантропией?

Кант. В некотором роде...

Фультон. Так чем он занимается?

Кант. Потом узнаете, Джонни. Пусть это останется для вас приятным сюрпризом. (*Хохочет*).

Фультон. А вы, мистер Кант, кем приходиться лорду Дуклиану?

Кант. Я? Я, наверное, гость. (*Подходит к окну*). Будет буря...

Сцена 3.

Входит Дуклиан.

Дуклиан. Вы не скучали, мистер Фультон? Я несколько задержался...

Кант. Есть новости?

Дуклиан. Стравинский приезжает.

Кант. А...

Дуклиан. Вы извините нас на минуточку... (*Отводит Фультона*). Мистер Фультон, Джонни, мне вам надо кое-что объяснить... Хм. Но сначала скажите, вам ничего не показалось странным в Персив-холле?

Фультон. Что вы имеете в виду?

Дуклиан. Да вы не беспокойтесь, Джонни. Говорите все совершенно откровенно. (*Фультон показывает на Канта*). Что?

Фультон. Ну ваш друг показался мне несколько оригинальным.

Дуклиан. Вы заметили? Очень хорошо. Я сейчас объясню вам эту оригинальность. А вы сами ещё не догадались?

Фультон. Нет, а о чём?

Дуклиан. Как бы вам поделикатней объяснить... Наверное, сначала я представлюсь более полно: я не только пэр Англии, обладатель дворянского титула, но и профессор психиатрии — врач, э-э-э, практикующий психиатр. Понятно?

Фультон. А! так этот, этот (*показывает на Канта*) — всего лишь псих? А я то думаю, чего он так разрядился! Парик напялил, панталоны. А он псих! (*Взгляд Канта, не обещающий ничего хорошего*).

Дуклиан. Тише, тише, Джонни. Ради Бога, прошу вас, замолчите. Я запрещаю вам употреблять это слово здесь. Ясно?

Фультон. Простите...

Дуклиан. Персив-холл — это очень дорогая, частная психиатрическая клиника, и люди, которые здесь лечатся, очень богаты и влиятельны. Не надо их обижать. Поверьте мне, Джонни, иметь врага среди больных людей, гораздо опасней, чем среди обычных.

Фультон. Почему?

Дуклиан. Потому что некоторым психически нездоровым людям, скажем, отрезать вам голову не будет стоить ровным счётом никаких душевных терзаний. А в силу своей болезни, их нельзя привлечь к суду.

Фультон. Так вы хотите сказать?..

Дуклиан. Нет, он вас не убьёт.

Фультон. Нет?

Дуклиан. Нет. Тут вам повезло. Этот пациент никогда не снизойдёт до физического насилия. Для него это будет унижительным.

Фультон. Это хорошо.

Дуклиан. И всё-таки будьте осторожны в выборе выражений. Здесь они мои гости, также как и вы. Здесь нет грубых санитаров, белых стен, отличное питание, полная свобода в границах усадьбы... И за такое обращение они хорошо платят. С пациентами я сейчас вас познакомлю.

Фультон. То есть как?

Дуклиан. Ну вы всё равно будете с ними сталкиваться. Так что вам лучше знать, кто есть кто. Вот, например, мистер Кант...

Фультон. Кант?

Дуклиан. Конечно, он никакой не Кант. Настоящее его имя Александр, младший сын герцога Ланкастерского. Несколько лет назад поразил мир, став самым молодым профессором философии в Европе. У него были блестящие перспективы, блестящие... Но прошлой осенью он заболел.

Фультон. Почему?

Дуклиан. Почему? Ответить на это “почему”, Джонни, значит раскрыть природу безумия. Не знаю...

Сцена 4.

Входят Гёте, Лейбниц, Да Винчи и Максвелл.

Дуклиан. А вот и остальные. Это Гёте.

Фультон. Гёте? А... Гёте.

Гёте. Приветствую вас, профессор.

Дуклиан. Рад вас видеть, Вольвганг. Как вы себя чувствуете сегодня?

Гёте. Спасибо, прекрасно.

Дуклиан. Простите, забыл вам представить — мистер Джонатан Фультон. Мистер Фультон, познакомьтесь Иоганн Вольвганг Гёте.

Гёте. Я люблю, когда меня называют моим вторым именем. А вы новый пациент профессора, не так ли?

Фультон. (*Сконфуженно*). Я...

Гёте. И какая стадия, доктор?

Дуклиан. Нет, Вольвганг. Это юрист, приехал помочь мне разобраться с документами.

Гёте. Странно, а похож... (*Фультон нервно смеётся*). Простите, Господа, я вас оставлю. (*Отходит к Канту*).

Дуклиан. Он немец. Фон Гронинген. Его семья владеет половиной военных заводов Германии. Бывший дипломат. Увлёкся Гёте...

Фультон. А эти?

Дуклиан. Этот Максвелл действительно физик. Да... Очень талантливый. Учился у Эйнштейна. Фантастический факт, он сам пришёл в психиатрическую комиссию и потребовал своего освидетельствования.

Фультон. А тот... Который делает руками странные движения...

Дуклиан. Он рисует. Всегда. Художник, в своё время очень модный. Вы знаете, его полотно “Христос у Понтийского Пилата” было продано на Кристи за пятьдесят тысяч фунтов.

Фультон. Невероятно. И есть же такие идиоты, которые платят за кусок холста такие деньги.

Дуклиан. Это я купил картину.

Фультон. Я не, хм...

Дуклиан. Ничего, ничего. И кто у нас остаётся? Лейбниц. Кстати, он ваш земляк. Тоже из Бристоля, но вот его профессия... Его основная профессия делает его совершенно особым пациентом.

Фультон. А кто он?

Дуклиан. Психиатр.

Фультон. Кто?!

Дуклиан. И кстати, очень известный специалист. Бред величия был одной из его специализаций. Ну что вы на меня так смотрите. Хирург, в конце концов, тоже может себе ногу сломать. Вы не обращайте внимания на их безобидные странности. (*Смотрит на часы*). Ну где же?

Фультон. Мы ещё кого-то ждём?

Дуклиан. Да.

Фультон. Пациента?

Дуклиан. Уникального пациента, Джонни.

Фультон. У него другая болезнь?

Дуклиан. Вы правы. Этот пациент, в отличие от остальных, не страдает бредом величия, хотя моя специализация именно такие пациенты. Но уж больно необычный это человек... А вот и он. Обернитесь, Джонни, мы этого ждали... (*Все оборачиваются. В комнату входит леди Анна*).

Фультон. (*Поражённый её красотой*). Ничего себе...

Леди Анна. Всем здравствуйте. (*Дуклиану*). Это кто?

Дуклиан. Приветствую вас, леди Анна, вы само совершенство.

Леди Анна. А вы сама невежливость, профессор. Я вам задала вопрос.

Дуклиан. Простите... Это юрист Джонатан Фультон. Он у нас погостит дня два-три.

Фультон. Вы...Хм. (*Осекается. Кашляет*).

Леди Анна. Хам. (*Отходит*).

Кант. Вы богиня!

Леди Анна. Нарываетесь на комплемент, Иммануил. Сегодня отвратительная погода — солнце!

Кант. Поверьте, миледи, это ненадолго. Нас ждёт буря — это я вам обещаю.

Фультон. Она сказала, что я хам...

Дуклиан. Она так не думает.

Фультон. Вы так считаете?

Дуклиан. Вы ей даже понравились. Можете мне поверить. Она русская.

Фультон. Русская?

Дуклиан. Русская княгиня. Причём самая настоящая. Анна Александровна Милославская. Её семья бежала из России в 1917-ом, сначала Берлин, потом Париж. Анна тогда была ещё девочкой. Надо сказать, ей повезло, Милославским удалось не только самим бежать от большевиков, но и вывезти всё их состояние.

Фультон. А почему она заболела?

Дуклиан. Заболела... Год назад леди Анна хладнокровно убила своего мужа.

Фультон. Убила?

Дуклиан. Семнадцать ножевых ран. Его невозможно было узнать. Жуткая картина. Всё в крови, а она сидела и спокойно читала русские стихи. Ей грозила гильотина, но медицинская комиссия, в которой я участвовал, признала её невменяемой. Мне удалось добиться её перевода сюда.

Фультон. Она так красива...

Дуклиан. Ну что же, теперь вы знакомы со всеми.

Фультон. Честно говоря, когда я ехал сюда, я ожидал чего угодно, только не этого.

Дуклиан. То-то ещё будет... Томас, аппетитив! (*Томас и Сэм разносят напитки*).

Сцена 5.

Леди Анна. Что мне налили?

Томас. Белое вино, миледи.

Леди Анна. Я ненавижу белое вино!

Кант. Уже? С каких пор?

Леди Анна. С этой минуты. Помолчите, наглец.

Дуклиан. Помилуйте, леди Анна, ведь в бокале красное бордо.

Лейбниц. (*тихо Фультону*). Смотрите внимательно...

Фультон. (*Лейбницу*). Но ведь там же белое.

Леди Анна. (*Подозрительно смотрит, пьёт*). Правда красное...

Дуклиан. Вот видите, миледи, всё как вы хотите.

Фультон. Как это?

Лейбниц. (*Тихо*). Что вы хотите, — шизофрения...

Фультон. У профессора?

Лейбниц. Почему, у леди Анны.

Кант. Что вы нам не рассказываете новости, профессор?

Лейбниц. (*Фультону*). Все сумасшедшие! Вот например, Леонардо да Винчи. Каждый вечер пишет какую-то картину, а утром замазывает. Рисует и замазывает...

Фультон. Откуда вы знаете?

Леди Анна. Вольфганг сказал.

Фультон. А он откуда знает?

Лейбниц. Он всё знает...

Дуклиан. Так вот, господа, леди Анна, послушайте... Вам это должно быть интересно.

Леди Анна. Душно... Я закурю — вы не против?

Дуклиан. Пожалуйста, не стесняйтесь...

Кант. Вы очаровательны с сигаретой, Анна, не правда ли, мистер Фультон?

Фультон. Да очень...

Дуклиан. Господа, завтра приезжает мой коллега доктор Стравинский. Да, да... Но я стараюсь быть справедливым, завтра коллеги приедут также и к вам. (*Пауза*).

Лейбниц. Диагноз?

Дуклиан. Вы же знаете мою специализацию, Готфрид.

Лейбниц. Параноидная шизофрения, бред величия?

Дуклиан. Именно. Господа, вы знаете мой интерес. Люди выдающиеся: художники, философы, литераторы... Но эти два случая нечто особое даже в моей богатой практике.

Леди Анна. Короче, профессор — не томите!

Дуклиан. Господа, я буду иметь честь принимать у себя самих Иисуса Христа и его естественного, что ли соперника — Дьявола.

Гёте. Ничего себе...

Да Винчи. О чём вы говорите?

Дуклиан. О том и говорю, господа, о том и говорю. Они друг друга не знают, и впервые встретятся уже здесь. Они приедут завтра утром.

Лейбниц. Зачем вам это надо?

Дуклиан. (*Не замечая вопрос*). Это все новости. Мистер Фультон, пойдёмте, я объясню вам ваши обязанности. Мне было очень приятно провести с вами время. Пойдёмте, Джонни...

Фультон. (*Лейбницу*). Спасибо вам. (*Всем*). До свидания...

Дуклиан. (*Томасу*). Следите за всем. Вечером отчёт...

Дуклиан и Фультон уходят. Начинается яростное обсуждение. Вдруг громкий, резкий удар грома и молния. Затемнение.

Сцена 6.

Входит Сара, осторожно осматривается. Входит Дуклиан. Начиная с этой сцены действие происходит в атмосфере приближающейся грозы

Сара. Роберт? Роберт, это ты?

Дуклиан. Сара, что ты здесь делаешь?

Сара. Я за тобой...

Дуклиан. Зачем ты вышла? Погода портится. Будет шторм... (*Сара молчит*). Завтра приходит очередной катер из Бристоля, ты позвони в эту компанию утром, пусть привезут вдвое больше продуктов. Начнутся шторма, неизвестно, когда до нас снова можно будет добраться...

Сара. Хорошо, я позвоню...

Дуклиан. Да, и передай, чтоб были осторожны, а то опять разобью что-нибудь.

Сара. Передам...

Дуклиан. Нам ведь хватит места в холодильной камере?

Сара. Хватит, Роберт...

Дуклиан. Иди спать, Сара, действительно уже поздно.

Сара. А ты?

Дуклиан. Я пойду в кабинет. Мне надо ещё поработать.

Сара. Но Роберт...

Дуклиан. Сегодня был очень важный день, Сара, очень важный, основополагающий день. Мало времени...

Сара. Пойдём...

Дуклиан. Не могу.

Сара. Эта клиника тебя убьёт, Роберт. Господи, как ты не понимаешь? Как ты не понимаешь? Это не клиника — это чудовище, Левиафан.

Дуклиан. Ну что ты такое говоришь?

Сара. Нет, нет... Я всё понимаю. Роберт, я понимаю, как всё это важно для тебя. Что эта лечебница — дело твоей жизни. Я помню, как ты годами грезил, ждал её...

Дуклиан. Восемнадцать лет.

Сара. Да, восемнадцать лет ты готовился к этому... Я же помню.

Дуклиан. Ну чего ты паникуешь? Эта неразбериха только на первых порах. Скоро вернётся из Дублина Перон, будет легче.

Сара. Может быть и так... Не знаю...

Дуклиан. *(Обнимает её)*. Послушай...

Сара. Оставь. Я знаю всё, что ты можешь мне сказать, Роберт. А я ничего не могу возразить — ты умней, ты всё равно докажешь своё. Но я чувствую, что что-то неправильно... Эта клиника затягивает тебя, как болото затягивает, понимаешь?

Дуклиан. Сара, солнце моё, поверь мне, старому психиатру. Всё будет хорошо. Вот увидишь...

Сара. Мне очень хочется в это верить.

Дуклиан. Иди спать, Сара. Не жди меня, очень много работы здесь. *(Собирается уходить)*.

Сара. Постой, Роберт. Я совсем забыла тебе сказать...

Дуклиан. Что такое?

Сара. Дочь сегодня целый вечер плохо себя чувствовала.

Дуклиан. Алисия? Что-нибудь серьёзное?

Сара. Нет вроде. Я волнуюсь... Такая духота, влажность.

Дуклиан. Да, очень душно. Перед грозой всегда душно... Я зайду к ней посмотрю.

Сара. Не разбуди её.

Дуклиан. Я осторожно... *(Она уходит. Он думает, затем уходит)*.

Сцена 7.

Входят Лейбниц и Да Винчи, прощаются и идут в свои комнаты.

Лейбниц. *(В своей комнате)*. Душно... как здесь невыносимо душно... Болит. Господи, за что мне эти мучения? Совсем старый стал. Совсем слабый... Скоро сдохну. Забавно, моими убийцами будут мой собственный вес, отдышка и перемена погоды. Я надорвусь, попытаюсь передвинуть сам себя. *(Звонит в звонок. В номер Лейбница заходит Катерина и начинает втирать мази в его ноги, Лейбницу больно, они о чём-то разговаривают.)*

В это же время...

Да Винчи. *(Входит в свой номер, подходит к мольберту и съёргивает шёлк. На холсте белое пятно)*. Завтра... Завтра я увижу Его! Господа. Какой же он? Почему я не могу понять какой Он? Господь? Завтра... Завтра он будет здесь... Я напишу его. Единственный, я напишу Его настоящего, не придуманного, не предполагаемого, а настоящего! Почему среди апостолов не было ни одного художника? *(Поглаживает холст)*. Ты будешь здесь! Личный портретист Господа... Всё ли готово? Готов ли я? Готов ли я...

Сцена 8.

Входит Анна. Садится и смотрит в окно. Появляется Кант.

Кант. Наслаждаетесь пейзажами?

Леди Анна. Вам это не понять.

Кант. Э... За кого вы меня принимаете?

Леди Анна. Я ошибаюсь? Вы сюда пришли наблюдать природу?

Кант. В некотором роде. Вопрос, право, диалектический...

Леди Анна. *(Кривляет)*. Вопрос, право, идиотический...

Кант. Я вижу вы не в настроении. Мне уйти? *(Собирается уходить)*.

Леди Анна. Иммануил, постойте. Не уходите... Я такая дрянь.

Кант. Ну что вы...

Леди Анна. Побудьте со мной. Я себя здесь так одиноко чувствую.

Кант. Мне нужно поговорить с вами.

Леди Анна. О чём?

Кант. О нас...

Леди Анна. Вы меня любите?

Кант. Я... *(Пауза)*. Да, наверное...

Леди Анна. Замечательная формулировка, достойная философа.

Кант. Я не знаю, Анна, не знаю... Мне трудно что-то говорить определённо. Не знаю... Я уверен в одном, с тех пор, когда я впервые увидел вас, вы притягиваете меня как магнит. Вы какой-то мираж в этой грязной пустыне...

Леди Анна. Да у вас поэтический дар...

Кант. Не смейтесь. Я не могу отвести от вас взгляда, когда вы рядом. Я восхищаюсь вами, всем что есть в вас... Но любовь ли это?

Леди Анна. Это вы меня спрашиваете?

Кант. Иногда же, вру, большую часть времени мой разум потешается над всем этим. Мне становится смешно, с этого восхищения, даже с вас. И тогда всё сводится к примитивному животному желанию, страсти, вожделению... Разве это любовь?

Леди Анна. У всех по-разному.

Кант. Мне плевать на всех! Я вас люблю.

Леди Анна. Как хотите, только без театральных эффектов. Я ненавижу театр.

Кант. А вы меня?

Леди Анна. Что я вас?

Кант. Вы меня любите?

Леди Анна. Не задавайте идиотских мужских вопросов. Если я захочу сказать вам что-нибудь по этому поводу, я скажу.

Кант. Вы меня любите... *(Целует её).*

Леди Анна. Хватит пока. *(Отстраняется).*

Кант. Вам плохо? Что такое?

Леди Анна. Эта ночь... Парк ночь. Я помню один такой вечер в Печёрском, нашем имении под Нижним. Тоже было душно... Я тогда весь день играла. Мне было лет одиннадцать... Папа ездил на охоту. Мама читала в беседке Чехова... Странная деталь, почему я это запомнила? Чехова... Мы пили чай с айвовым вареньем. Гуляли... Солнце заходило, мама мне тогда сказала: "Запомни этот закат"... Говорила что-то ещё, я забыла... Тот вечер стал самым последним моим счастливым днём в России... Пойдёмте, Иммануил, я знаю, вас не интересуют женские сентиментальности...

Кант. Леди Анна...

Леди Анна. Проводите меня в мой номер. *(Идут к её номеру).*

Кант. Нет, постойте, так нельзя, вы должны...

Леди Анна. Оставьте, я вам ничего не должна, как и вы мне. Я всё чувствую про вас, а вы про меня. Я вас очень уважаю, и вы мне нравитесь. Больше того, я вас люблю. *(Пауза).* Но Пьера я ведь тоже любила... Спокойной ночи, Иммануил. *(Кант загадочно молчит).* Что? Ну что? Что вы хотите сказать? Иммануил, не выводите меня из себя — я страшная в гневе. Что?

Кант. Приходите ко мне в номер.

Леди Анна. Когда? Завтра?

Кант. Нет, зачем завтра? Сегодня, сейчас...

Леди Анна. Вы шутите?

Кант. Напротив.

Леди Анна. А вам не кажется, что я сейчас войду в свой номер, разденусь, лягу в постель и усну до самого утра?

Кант. Войдёте в номер?

Леди Анна. Да...

Кант. Разденетесь?

Леди Анна. Да.

Кант. Ляжете?

Леди Анна. Лягу.

Кант. Но это так неоригинально. Это не вы. Приходите ко мне в номер, Анна, я буду ждать.

Леди Анна. Ждите. *(Уходит к себе, Кант идёт в свою комнату).*

Сцена 9.

Максвелл поднимается в свой номер, достаёт какие-то бумаги начинает их перебирать, что-то пересчитывать.

Сцена 10.

В это же время Гёте идёт к себе, смотрит на часы. К нему поднимается Сэм, отдаёт бутылку вина, и какие-то бумаги, они о чём-то договариваются, Гёте платит ему деньги. Сэм уходит.

Сцена 11.

Леди Анна. Как хотите. А я просто обожаю то, что готовит ваш бельгиец. Я так обедаюсь, что наверное, скоро стану похожа на бочку. Иммануил, ты ведь будешь любить меня, если я стану похожа на бочку?

Кант. Это можно проверить только одним способом.

Леди Анна. Все мужики твари.

Дуклиан. Некоторое время назад в Персив-холл приехал новый пациент...

Леди Анна. Кто?

Дуклиан. Это имеет какое-то значение?

Леди Анна. Говорите, сэр Роберт!

Дуклиан. Христос...

Леди Анна. Великолепно! Я хочу с ним познакомиться. Вы со мной, Иммануил?

Кант. Естественно...

Леди Анна. Где моё платье?

Кант. В ванной...

Леди Анна. Ах да... *(Направляется в ванную)*.

Дуклиан. Прошу вас, миледи, постойте... *(Она не обращает внимания)*. Я хочу просить вас совершенно об обратном...

Кант. То есть?

Дуклиан. Я прошу вас не покидать номера.

Кант. Вы это серьёзно?

Дуклиан. Более чем серьёзно. Это необходимо из медицинских соображений.

Кант. Да как вы смеете?!

Дуклиан. Так надо. Вам придётся исполнить мою просьбу, и мы оба об этом знаем. Есть контракт...

Леди Анна. *(Выходит из ванной уже в платье)*. Контракт? Чтoб деньги было проще вытягивать! Торгаш! Гобсек! Так! Мы идём?

Дуклиан. Миледи, я уверен, вы всё слышали, и мне нет смысла повторять.

Леди Анна. Я пошла.

Дуклиан. Я вам запрещаю!

Леди Анна. Чтo?

Дуклиан. Я запрещаю.

Леди Анна. Женщинам надо уступать.

Дуклиан. Не всегда. Я старше, я знаю...

Леди Анна. А вы мерзавец.

Дуклиан. А вы красавица.

Леди Анна. Так. мне это надоело. Вы меня пропустите или нет?

Дуклиан. Не вынуждайте меня, миледи...

Леди Анна. Вы мне угрожаете?! *(Идёт к столику и берёт нож)*.

Дуклиан. Леди Анна, предупреждаю... Предупреждаю вас, в случае любой ситуации вы будете немедленно высланы из Англии. Понимаете, что это означает?

Леди Анна. Плевать!

Дуклиан. Вас снова закроют в психиатрической больнице для преступников. Не забывайте — вы убили своего мужа!

Леди Анна. Не смейте мне угрожать!

Дуклиан. Я вам не угрожаю. Просто хочу кое-что напомнить. Вы были признаны невменяемой семь месяцев назад — вы помните как прошли для вас шесть из них? Вы помните больницу для преступников? Помните как там было? Вы не забыли вашу камеру, ой, простите, палату? А еду, которой вас кормили? А клопов? А холод? Этот ужасный каменный холод? А темноту? Вы помните возню крыс в темноте, огромных, серых, с длинными, толстыми хвостами...

Кант. Замолчите!

Леди Анна. Я... я... Я не боюсь ваших угроз...

Дуклиан. А про случай с вашими соседками, миледи, надеюсь, вы тоже не забыли... Вы помните как они... *(Видит её реакцию и осекается)*.

Леди Анна. Ну что же вы не договариваете, профессор?

Кант. Вам плохо, леди Анна?

Леди Анна. Мне ничего... *(Пауза)*. Не беспокойтесь, профессор, я прекрасно помню, как мои соседки пытались меня изнасиловать. Поверьте, такое весьма сложно забыть. Я помню... Я била их! Я никого никогда так не била! Я сошла с ума тогда. Я была животное! Я ненавижу бить людей!

Кант. Леди Анна...

Леди Анна. Я помню... Я била их всем, что попадалось под руку... Не помню теперь чем именно... Какой-то книгой, затем деревяшкой... Я била изо всех сил! Я гонялась за ними по палате! Била до тех пор, пока санитары не скрутили меня, пока одна из них не потеряла сознание, а другая — ползала и корчилась на полу, размазывая по нему лицом собственную кровь и мочу... Кровь там была везде... Я вывихнула ногу, нанося

удары. Мои руки были изодраны — иногда я промахивалась и попадала руками в стену... Эти следы... Там повсюду была кровь! Кровь...

Дуклиан. Бог мой, леди Анна... Простите. Я совсем не хотел... Простите. Я был не прав, что напомнил вам вашу боль. Простите.

Леди Анна. Я вас ни в чём не обвиняю, Роберт. Я действительно не должна забывать... Я вас разочаровала, Иммануил? (*Кант молчит*). Я устала. Можно мне пойти в свой номер?

Дуклиан. Конечно можно. Вам необходимо отдохнуть... Может быть, попросить кого-нибудь посидеть с вами?

Кант. Кого вы собираетесь просить? Я побуду с ней.

Дуклиан. Как желаете... (*Леди Анна уходит*).

Кант. Анна, как же так? Анна, постойте...

Леди Анна. Молчите, вы ничего не знаете... (*Уходит*).

Дуклиан. Надеюсь, мы с вами договорились, Иммануил. До свидания...

Кант. Позаботьтесь о ней...

Дуклиан. Я постараюсь. (*Уходит*).

Сцена 16.

Дуклиан в холле. Выходит Томас.

Томас. Профессор Стравинский приехал.

Дуклиан. Да, иду, иду...

Томас. Он не один, с ним секретарь, мистер Краснов...

Дуклиан. Зовите Сару. Я иду... (*Выходят*).

Сцена 17.

Входят Дуклиан и Стравинский.

Дуклиан. Проходите, Александр... Ну как вам клиника?

Стравинский. Очень роскошно. В России сейчас такого не увидишь.

Дуклиан. С чем едете в Дублин?

Стравинский. Я вам писал.

Дуклиан. Ах да, да, в общих чертах. Природа массовых психозов?

Стравинский. Совершенно верно.

Дуклиан. Хотя я сам не смогу лично присутствовать на конгрессе, но буду подробно осведомлён о его результатах.

Стравинский. Как же?

Дуклиан. Там будет второй врач клиники — доктор Перон. Он будет представлять меня в Дублине.

Стравинский. Перон... Я обязательно познакомлюсь с ним.

Дуклиан. Познакомьтесь. (*Пауза. Другим голосом*). Я услали его отсюда.

Стравинский. Простите?

Дуклиан. Я услали его из клиники, чтобы он мне не мешал.

Стравинский. Не мешал в чём?

Дуклиан. (*Тихо*). Восемнадцать лет... Простите, мне трудно начать... Даже больше чем восемнадцать. Понимаете, эта клиника открылась не месяц назад, Александр, а гораздо раньше, здесь (*указывает на голову*), когда мне впервые пришла идея, ради которой и появилось всё это...

Стравинский. Неужели? Неужели всё это?...

Дуклиан. Эксперимент. Уникальный и единственный в своём роде.

Стравинский. Вы сделали какое-то открытие?

Дуклиан. Открытие? В общем, да... Как бы это сформулировать. (*Пауза*). Я открыл суть человека.

Стравинский. То есть как суть человека?

Дуклиан. Так. Вы только вспомните: религия, философия, наука, идеализм, материализм, атомы души, экзистенция, Дао... Люди всегда пытались объяснить себя. Они придумывали объяснения... А я не хотел придумывать. Придумать — не трудно. Я хотел понять... Многое уже было доступно современной биологии и психологии, но мне нужны были глобальные закономерности, непосредственный механизм нашего существования... То, что отличает человека от всех других существ на земле — основу нашей саморефлексии...

Стравинский. Но это невозможно.

Дуклиан. Возможно. Всё возможно, почти всё... А знаете что самое главное? Стержень, суть, сердцевина человека? Механизм выбора...

Стравинский. Выбора?

Дуклиан. Да, выбора. всякого выбора, всякого решения... Человек реален в своих решениях. Занятно, у всех живых существ выбор всегда биологически рационален. У всех, кроме людей... Только мы, люди, можем позволить себе поступать иррационально. Только люди обладают иллюзией свободы в своих решениях.

Стравинский. Вы сказали иллюзией?

Дуклиан. Свобода перестаёт быть свободой, если можно с точностью предугадать выбор решения.

Стравинский. И вы можете предугадать?

Дуклиан. Думаю, что могу...

Стравинский. Как это можно проверить?

Дуклиан. Вопрос в самую точку. Я разработал план...

Стравинский. План?

Дуклиан. Да, я открыл эту клинику, тщательно подобрал пациентов, свёл их здесь, а до этого составил план того, что с ними будет происходить. Я в деталях спроектировал систему их отношений ещё до того, как они узнали о существовании друг друга. Вы понимаете?

Стравинский. Это просто невероятно. И ваши расчёты...

Дуклиан. Подтверждаются полностью. И это при том, что у меня не было полной информации о них... Образно говоря, мне пришлось решать уравнение с множеством неизвестных... К сожалению, дорогой Александр, вы не сможете присутствовать на всех фазах эксперимента... Но в некоторой его части, если хотите, вы можете поучаствовать.

Стравинский. Я с удовольствием, хоть сейчас...

Дуклиан. Нет, сейчас мы пойдём обедать. Моя жена, Сара, очень ждала вашего приезда... Здесь так редко бывают гости.

Стравинский. А потом?

Дуклиан. Потом нам предстоит познакомиться с людьми, которые, по моему замыслу, должны стать осями всего эксперимента.

Стравинский. Скажите, а на что вы собираетесь потратить Нобелевскую премию? (*Смеются, уходят*).

Сцена 18.

Выходит Фультон, осматривается, не знает, что делать. Появляется леди Анна — она в трауре, на ней вуаль...

Леди Анна. Добрый день, мистер Фультон.

Фультон. Миледи... Добрый день. (*Пауза*). У вас что-то нехорошее случилось?

Леди Анна. С чего вы взяли?

Фультон. На вас как будто траур. И вообще... Что случилось?

Леди Анна. Ничего особенного... Я бросила курить.

Фультон. А... (*Пауза*).

Леди Анна. А вы чем занимались всё это время, мистер Фультон?

Фультон. Я? Я работал. Даже вот обедать к профессору не пошёл. Работал... Знаете, всякие документы, контракты... Я ведь юрист. (*Смотрит*). Какое странное платье на вас.

Леди Анна. Это... Это особое платье, вы правы. Оно очень старое... Это платье одевала моя мать на похороны, когда народовольцы убили её отца, моего деда. А я родилась почти через четыре года после этого...

Фультон. На вас оно очень красиво выглядит, только вот лица не видно...

Леди Анна. Я хочу перед вами извиниться, мистер Фультон. Я вчерашняя была очень пошла. Я вчерашняя сама себе отвратительна...

Фультон. Не надо так говорить, не стоит... Очень печально у вас получается. И я тоже себе отвратителен бываю. И даже очень часто... Но я не могу так как вы.

Леди Анна. Что как я?

Фультон. Измениться... Вы всё время меняетесь. Вы разная...

Леди Анна. Вы правы, я не люблю повторять сама себя. Не удивляйтесь, когда такое случится снова.

Фультон. Постараюсь...

Леди Анна. Мистер Фультон, я, кажется, слышала, что вы родом из Бристоля?

Фультон. Да, миледи.

Леди Анна. Расскажите про Бристоль? Расскажите про ваш город...

Фультон. Я боюсь, вам не понравится то, что я расскажу.

Леди Анна. Это неважно...

Фультон. Ну что ж... Про Бристоль... Я живу в Бристоле, это правда, в промышленном районе, на окраине — там недалеко доки и верфь. Не знаю, вы когда-нибудь бывали в промышленных районах?

Леди Анна. Нет.

Фультон. Там много заводов. Вокруг только заводы, фабрики, цеха... Всё такое громадное. В доках стоят корабли, знаете, для круизов всяких и военные. Они большие, даже огромные... Тысячи людей их строят:

сначала железные скелеты, потом их обшивают. Они как бы рождаются. Я иногда хожу смотреть, как их спускают на воду... Это очень красиво. Иногда на церемонию приезжают всякие знаменитости: члены парламента, кинозвёзды, премьер-министр и даже король... А вообще, там, где я живу, мало хорошего... Мало деревьев, а те, что есть, — запыленные и неухоженные. Там всё запыленное и неухоженное. Иногда мне кажется, что даже небо, не говоря уже о людях...

Леди Анна. Вы с такой горечью рассказываете об этом, и тем не менее я слышу в вашем голосе нежность. Как вы сейчас живёте?

Фультон. Живу с семьёй моей сестры, плачу им за комнату.

Леди Анна. Вы женаты? Ой, простите, я задала бестактный вопрос.

Фультон. Нет, жены у меня нету. Но ничего, если я не потеряю работу у мистера Симпсона, то скоро очень может быть получу повышение и сам смогу снимать себе квартиру. И тогда...

Леди Анна. Я желаю вам этого. Вы ведь не профессиональный юрист? То есть, простите, я неверно выразилась...

Фультон. Я, как это сказать, самоучка. Я закончил только курсы делопроизводства. Но меня всё равно взяли, потому что я могу много работать, и мне не надо много платить. *(Усмехается)*. Я выгодный... На таких как я сваливают всю самую глупую и рутинную работу, которой брезгают настоящие “адвокаты”. Их называют лицом фирмы, они произносят блестящие речи в судах, получая по пять фунтов час, а таких как я... Вот и здесь, что я делаю? Перепечатаваю, перепечатаваю...

Леди Анна. Да, это несправедливо, наверное... *(Пауза)*. Сегодня такой покойный день...

Фультон. А вы, наверное, никогда не знали, что такое теснота и грязь... И я счастлив за вас. Вам, такой, нельзя, просто нельзя этого видеть и знать. *(Она отворачивается, плечи её начинают дрожать)*. Вы плачете?

Леди Анна. Я женщина... *(Плачет)*.

Фультон. Леди Анна... Вы плачете... Вы знаете, я сегодня видел вас во сне. То есть, я хотел сказать...

Леди Анна. Неужели? И что же вы видели, мистер Фультон, в вашем сне? Какая я там была? Что я там делала?

Фультон. Не помню.

Леди Анна. Вы знаете, что видели меня во сне, но не помните свой сон?

Фультон. Да.

Леди Анна. *(Начинает хохотать)*. Это просто возмутительно! *(Хохочут)*. Я вас недооценила... *(Громкий звук. Фультон оборачивается и видит Канта. Пауза.)*.

Леди Анна. *(Тихо)*. Я вам нравлюсь?

Фультон. Что? *(Но Анна уже отходит от него. Она и Кант уходят. Затем уходит и Фультон)*.

Сцена 19.

Выходят Дуклиан и Стравинский. Во время их разговора погода начинает портиться.

Дуклиан. Погода портится, темнеет, хм... Сейчас же и начнём. Вы готовы?

Стравинский. Да, конечно.

Дуклиан. *(Берёт трубку телефона)*. Это Дуклиан, пригласите пациента из седьмого номера. *(Кладёт трубку)*. Христос... Пока он не пришёл, я успею сказать вам несколько слов об этом человеке. Настоящее имя его я вам не скажу. Он испанец. Да, да, испанец. Тридцать четыре года. Патология обнаружила себя год назад... Наследственность чистая. Окончил Барселонскую духовную семинарию, сделал блистательную карьеру. Действительно блистательную, — он стал самым молодым епископом в римско-католическом мире. Выдающиеся способности плюс огромный список его благодеяний: от благотворительных ночлежек до библиотек... Всё рухнуло год назад... *(Стук в дверь. Доктора переглянулись.)*.

Сцена 20.

Дуклиан. Войдите. *(Входит Мешиах)*.

Мешиах. Добрый вечер. Вы меня звали — вот я здесь...

Дуклиан. Проходите, конечно. Познакомьтесь, доктор Стравинский, мой коллега из Москвы.

Мешиах. Очень приятно. *(Рукопожатие)*.

Дуклиан. Я прошу прощения, но, право же, неловкая ситуация: я даже не знаю как представить вас. Может быть, Иисус, Господь, Помазанник, Сын Божий? Как?

Мешиах. Называйте меня Мешиах.

Дуклиан. Мешиах? Почему Мешиах?

Стравинский. Похоже на иврит... Что-то смутно знакомое...

Мешиах. На моём родном языке это значит тоже, что и Христос.

Дуклиан. Мессия?

Мешиах. Да.

Дуклиан. Отлично, пусть будет Мешиах. Вы действительно Бог?

Мешиах. Трудно сказать...

Стравинский. То есть как? Но вы ведь и человек?

Мешиах. И человек.

Дуклиан. Так что же вы?

Мешиах. *(Пауза).* Я ТО, КАК ОН ПОНИМАЕТ ВАС.

Дуклиан. Хорошо... *(Подходит к столу, достаёт книгу).*

Мешиах. Библия...

Дуклиан. Точно. Эта книга имеет большое значение в вашей жизни, не правда ли?

Мешиах. Это не моя жизнь.

Стравинский. Не ваша?

Мешиах. Всё было не так.

Дуклиан. Вы что-то помните?

Мешиах. Всё было не так... Я всё помню... Нет, я не ходил по воде, но я помню сияние глади Генисаретского озера в лучах заходящего солнца, и десятки лодок, выходящих на промысел, и запах смоковой роши, и людей... Я не совершал чудес — я не фокусник, я не маг...

Стравинский. И не кормили тысячи людей пятью хлебами?

Мешиах. Не кормил, но делился с каждым всем, что у меня было. Я не воскрешал Лазаря, но утешал его близких и сострадал с ними. И крест был иным...

Дуклиан. Крест?

Мешиах. Я помню... *(Разводит руки. Начинается гроза).* Я помню... Было жарко и душно в тот день. Мне не давали пить, и каждый вздох обжигал моё горло... Меня били. Я чувствовал постоянный железный привкус собственной крови. Я хотел попросить воды, но мне разбили лицо, и я не мог разглядеть к кому обратиться... Мне выбили зубы, язык распух, поэтому все мои слова оказывались нечленораздельными стонами. Я старался не стонать... Уже на Голгофе мне кто-то поднёс чашу с питьём. Укус... Я помню этот вкус... Они положили меня на крест и стали забивать гвозди в мои руки... Я помню... Один гвоздь, толстый, шершавый, не раз уже использованный, раздробил мне кость... Было так больно, я даже не мог кричать... Мне показалось, что во все кости разом загнали по металлической занозе. *(Кричит. Ощущение, что с ним происходит то, о чём он рассказывает).* Лишь когда я начал терять сознание, я понял, что не дышу, и заставил себя сделать вздох... Другой гвоздь порвал мне вену, и кровь, такая липкая, тёплая, густая, но не такая едкая, как пот. Легонько щекоча, она заструилась сначала по руке, подмышке, затем по рёбрам, застывая, запекаясь, затем по бёдрам, пах, ноги... Я никогда не забуду эту зудящую, отвратительную щекотку! Страшный зуд... Мухи... Везде: во рту, в глазах, они кусали меня... Я начал оседать, под весом собственного тела: гвозди рвали и выворачивали мои руки... Вены лопались, как верёвки, суставы ног вывернуло... *(Он почти теряет сознание).* А потом... Потом начался дождь... Это был самый счастливый миг моей жизни... Этот дождь был благодатью обетованной... Он смыл кровь, пот, мух, он утолил мою жажду... Мою боль, и я уснул, как младенец...

Дуклиан. *(Впечатлённый, после долгой паузы).* Очень образно... Однако... И потом вы воскресли?

Мешиах. Нет.

Дуклиан. Почему?

Мешиах. Потому что я и не умирал. Вы мне не верите?

Дуклиан. Я надеюсь, вы оставите мне право сомневаться, Мешиах?

Мешиах. Конечно... Вы ведь не можете забрать у меня право верить, любить...

Дуклиан. И прощать?

Мешиах. Конечно, прощать. А разве может быть как-нибудь иначе?

Дуклиан. *(Стравинскому, тихо).* Бьют по левой щеке, подставь... Смотрите.

Стравинский. Что? *(Дуклиан неожиданно подходит к пациенту и даёт ему пощёчину. Мешиах не реагирует. Дуклиан замахивается для второй...)*

Мешиах. Остановитесь, не надо...*(Пауза).* Вам стало легче?

Дуклиан. Вы... Вы простите меня, Мешиах... Это был чисто медицинский эксперимент. Реакция на агрессию... Клиника особая: нет решёток, санитаров... Я не могу брать неустойчивых, агрессивных пациентов.

Мешиах. Я понимаю...

Дуклиан. Этого больше не повторится. Я ещё раз прошу у вас прощения.

Мешиах. Я уже вас простил. Вы это знаете, вы — чисты передо мной... *(Становится на колени и целует руку профессора).*

Дуклиан. *(Шокированный).* Господи, что вы делаете?! Не надо! *(Вырывает руку).* Встаньте немедленно, прошу вас.

Мешиах. Я устал...

Дуклиан. Конечно, конечно... Я думаю, для первой беседы вполне достаточно.

Стравинский. Мне было очень приятно с вами познакомиться, Мешиах.

Мешиах. Я буду за вас молиться... До свидания. *(Уходит).*

Сцена 21.

Дуклиан. Ну как вам?

Стравинский. Вы ударили своего пациента.

Дуклиан. Вы видели его реакцию. Это потрясающе.

Стравинский. Что я должен быть видеть, вы ударили своего пациента!

Дуклиан. Я должен был узнать насколько глубоко шизофрения проникла в него, насколько он уже Христос.

Стравинский. И к какому выводу вы пришли?

Дуклиан. Вы сами всё видели, вы видели его глаза...

Стравинский. Он очень убедителен. Иногда даже слишком...

Дуклиан. Ох, жаль, что у нас так мало времени, очень жаль... Вы готовы после всего этого встретиться с его естественным антиподом, с Дьяволом?

Стравинский. Думаю, да.

Дуклиан. *(В телефон).* Алло, Томас, пригласите другого, да, сейчас... Спасибо.

Стравинский. Кто он?

Дуклиан. Официально этот человек здоров, и у меня в клинике находится лишь на профилактическом обследовании. Он здесь по своей воле и может в любой момент уехать отсюда. И при этом от стопроцентный параноидный шизофреник.

Стравинский. Он сам приехал?

Дуклиан. Да. Владислав Франц Фердинанд Второй, прямой отпрыск Габсбургско-Лотарингской династии. Восемьдесят два года, после 1914 года живёт в Англии.

Стравинский. Он так стар?

Дуклиан. Но прекрасно себя чувствует — ни одного обращения к врачу за последние полвека. Основную часть жизни провёл в замке Дужа — родовом замке его матери где-то на границе Трансильвании, Молдавии и Буковины.

Стравинский. Вы меня заинтриговали...

Дуклиан. Сейчас его приведут. Так темно... *(Входит Томас, неся в руках канделябры с зажжёнными свечами.)* Что вы делаете?

Томас. Так захотел новый пациент, иначе, сказал, не придёт. *(Зажигает ещё свечи, выключает лампы).*

Дуклиан. Чего он хочет? Объясните, что вы делаете?

Томас. Он хочет встретиться с вами при свечах. Иначе он не придёт... *(Дуклиан разводит руками).*

Малхира. Я здесь... *(Все вздрагивают, оборачиваются).*

Сцена 22.

Там стоит Малхира, в его руках меч. Он не один. Томас уходит.

Дуклиан. Я... *(Вдруг что-то бросается на них с яростным воем и рыком).*

Малхира. Ареш, стригуй! *(Дикая собака выбегает из темноты, обнюхивает докторов и возвращается к ногам Малхиры. Шок. Пауза).* Ну что же вы замолчали...

Дуклиан. *(Ошарашенный, указывая на дикого человека).* Что это?

Стравинский. Скорее кто...

Дуклиан. Откуда он?

Малхира. Приехал со мной. Я вожу его в сундуке, очень удобно. Вам оно нравится?

Дуклиан. Кто это? Что это за человек?

Малхира. Это не человек. Это Ареш, моё животное. Осторожно оно кусается.

Дуклиан. Откуда он? Он что-нибудь понимает?

Малхира. Понимает, как собака... Ещё мальчиком оно осталось одно — они ехали с матерью по лесу близ Вадуца, на них напали разбойники, мать изнасиловали, да, сначала изнасиловали, затем убили. А мальчик убежал в лес. Ему было тогда четыре года. А вы знаете как легко заблудиться в прикарпатских лесах? Меня всегда интересовало как оно выжило? Только оно не может ничего рассказать, оно не умеет говорить.

Дуклиан. Сколько ему лет?

Малхира. Тридцать один... Два года назад его словили в Буковине — он крал кур у крестьян и ел их, живыми... Я выписал его сюда. Вы ведь не против?

Дуклиан. Это невозможно. Меня не предупредили. Наличие таких... здесь непредусмотрено.

Малхира. Ареш останется со мной.

Дуклиан. Но вы не понимаете...

Малхира. Бойтесь?

Дуклиан. Это клиника...

Малхира. Вот и полечите его. Может быть, вам удастся отучить его есть домашних животных.

Дуклиан. *(Стравинскому).* Это возмутительно!

Малхира. Ареш останется со мной! Он будет со мной, либо я уеду отсюда завтра же!

Дуклиан. Возмутительно. Просто возмутительно! Он опасен...

Малхира. Нет, если его не раздражать и кормить. Оно ест только сырое мясо. Я сам буду его выгуливать, если хотите, даже на поводке...

Дуклиан. Ладно, ладно, оставим этот вопрос. Разрешите представиться...

Малхира. Ты — Дуклиан.

Дуклиан. Лучше если вы будете называть меня профессор Дуклиан или сэр Роберт. Мой коллега, тоже психиатр Александр Стравинский из Советской России.

Малхира. Из России? Я слышал, Россия сейчас изменилась... Да, да... Новые идеи требуют новых жертв. Ваше общество пошло по замечательному пути — вы ищете врагов. А их много... Очень много, если поискать. Они везде, скрываются, пакостничают, вредят — а вы их находите и давите! Правильно я понимаю суть вашей коммунистической идеи? (*Стравинский молчит*). А вам, гражданам Советской России это нравится, нравится...

Дуклиан. Я прошу прощения, что прерываю... Но мы вам представились, а вы нам — нет.

Малхира. Как, вы не знаете кто я?

Дуклиан. Догадываемся, но...

Малхира. Я — Малхира! Мал-хи-ра!

Дуклиан. Кто?

Стравинский. Простите, вы Дьявол?

Малхира. Естественно...

Дуклиан. Вы подписали контракт? Формальности прежде всего...

Малхира. Вы смелый человек, мистер Дуклиан, раз решили подписать контракт с Сатаной. Впрочем, для докторов, видимо, это традиция... (*Берёт перо и подписывает бумаги*).

Стравинский. (*Указывая на меч*). Можно посмотреть?

Малхира. Меч? Это боевой меч рода Дужа. С четырнадцатого века передаётся от отца к сыну, из поколения в поколение... Им убивали... Кровь... Вы никогда не замечали, что у железа вкус крови? А у крови — железа... Они словно созданы друг для друга.

Дуклиан. Боюсь, правила запрещают нашим гостям иметь при себе оружие.

Малхира. Да неужели? А ты попробуй отбери его! (*Несколько раз взмахивает мечом, клинок останавливается совсем рядом с лицом Дуклиана*). Я бы мог отрубить вам голову. Обоим. (*Стравинский бросается к двери*).

Дуклиан. Стойте, Александр. (*Малхире*). Так мы договорились? Вы отдадите мне меч?

Малхира. (*Пауза. Ареш злобно рычит*). Забавно... (*Отдаёт меч и контракт*). Вот ваши бумажки...

Дуклиан. (*Смотрит на контракт*). Владислав Франц Фердинанд — вы подписались своим прежним именем?

Малхира. Естественно, иначе вы не сможете получить и пенса. Возьмите чек, моя плата за три месяца вперёд...

Дуклиан. Очень предусмотрительно...

Стравинский. Вы не очень-то трепетно относитесь к своему имени, лорд Малхира.

Малхира. У меня было столько имён... Одним больше, одним меньше. Всё равно я остаюсь всего лишь старым, беспомощным, невинным злом.

Дуклиан. Вы собираетесь демонстрировать нам своё могущество?

Малхира. Зачем мне делать зло? Вы и сами с этим прекрасно справляетесь... А я нужен лишь как оправдание, чтобы было на кого свалить. “Бес попутал” — замечательная формула, замечательная... Знаете что?

Дуклиан. Что?

Малхира. Я как Христос, всегда готов взять на душу ваши грехи и страдать за них. Я даже лучше его — он сделал это однажды, а я это делаю каждый день, каждое мгновение...

Стравинский. Жутковато...

Дуклиан. Честно говоря, меня больше интересует ваша человеческая сторона. Кстати, зачем весь этот готический антураж, свечи, полумрак... Это уже не принято. 20 век. А кроме того, это просто опасно — может случиться пожар. В наше время цивилизация использует совсем другие методы освещения — электрические лампы, например...

Малхира. Ну и что?

Дуклиан. Поверьте, это замечательное изобретение. Одна лампа может заменить сотню свечей. Я вам сейчас покажу.

Малхира. Не стоит. Я знаю про электричество, я не идиот.

Дуклиан. Я не хотел...

Малхира. Цивилизация, цивилизация... Цивилизация всегда тешилась своим непостоянством, которое назвала дурацким словом — научный прогресс. А я привык к огню... Я его знаю так давно, наверное, с самого начала. Я ему доверяю. Я привык иметь дело с теми, кому доверяю...

Дуклиан. Однако, новое — не всегда значит плохое. Я вам покажу... (*Включает яркий свет. Малхира дико кричит. Гром, молния. Лампы лопают, искры, снова темнота. Дуклиан ошарашено смотрит на потухшую люстру и снова щёлкает выключателем — ничего не происходит*).

Малхира. А вы говорите электричество... Десятки тысяч лет огонь освещает тьму для человека. На нём готовили пищу, им обогревали жилища, на нём ковали оружие, наконец, жгли друг друга...

Дуклиан. Прошу прощения, мне необходимо выяснить, что произошло...

Сцена 23.

(Хочет выйти, сталкивается с Томасом).

Дуклиан. Что происходит? Почему нет света?

Томас. Во всей усадьбе нет электричества, сэр. По всей видимости молния попала в распределительный щит.

Дуклиан. Чёрт! Ладно, подождите...

Томас. И ещё... Шофёр сказал, если через двадцать минут доктор Стравинский не выедет из Персив-холла, до шоссе будет невозможно добраться. Ливень...

Дуклиан. Хорошо. Подгоните машину к подъезду. Сейчас... *(Возвращается к Малхире и Стравинскому).*

Малхира. *(С издёвкой).* Проблемы?

Дуклиан. Ничего непоправимого. Нам надо идти.

Малхира. Вы меня покидаете?

Дуклиан. Да, но мы ещё с вами завтра поговорим. А вот с доктором Стравинским вы можете попрощаться, он сейчас уезжает.

Малхира. Всего хорошего вашей замечательной стране.

Стравинский. Всего хорошего...

Дуклиан. *(Уходя со Стравинским).* Молния попала в распределительный щит... Чертовщина какая-то... *(Уходят).*

Сцена 24.

Малхира один.

Малхира. Неплохо получилось, да, Ареш? *(Дикий человек воет. Появляется Мешиах со свечкой в руках).*

Мешиах. Добрый вечер, я увидел, что отключился свет и подумал, что, может быть, нужна помощь... Я Мешиах.

Малхира. Да неужели? *(Начинает бешено хохотать).*

Мешиах. Я сказал что-нибудь смешное?

Малхира. Ты не поймёшь...

Мешиах. Что не пойму?

Малхира. Дай ка посмотрю на тебя... *(Осматривает и оцупывает Мешиаха).* Повтори, как ты сказал тебя звать?

Мешиах. Мешиах. А вы кто?

Малхира. Всё другое, всё... кроме глаз. Глаза те же...

Мешиах. Кто вы?

Малхира. Я Малхира.

Мешиах. Малхира?

Малхира. Я знаю, моё имя тебе ни о чём не говорит, но ты знаешь меня.

Мешиах. Я тебя не помню.

Малхира. Но знаешь. Пусть тебя не обманывает мой вид. Это не важно...

Мешиах. Не помню...

Малхира. А пустыню помнишь?

Мешиах. Дьявол?!

Малхира. Узнаешь?

Мешиах. Дьявол... Теперь ясно почему я здесь.

Малхира. Что тебе ясно? Ясно ему... Ты здесь, потому что ты болен. Мания величия, твоя и твоего отца. *(В темноте с одной стороны входит Дуклиан, с другой Гёте, оба подслушивают).*

Мешиах. Это тебе кажется...

Малхира. Ох, как я люблю эту твою молодцеватость. “Я ничего не боюсь”, “я ничего не требую”. Дурак. Как же вы самоуверенны... А я вот нет, мне всё время, каждое мгновение приходится демонстрировать свою состоятельность, свою силу, показывать преимущество, побеждать! Знаешь почему? Потому что мне некуда идти с этой земли! Я — абориген, вы — колонизаторы... На тридцать три года пришёл, наследил и снова в безопасность? И нет тебя?

Мешиах. Я всего лишь человек. Я делаю что могу...

Малхира. Я ждал тебя... Я стал готовиться к твоему приходу ещё тогда, когда ты, засиженный слепнями и мухами, корчился на Голгофе. Я давил твоих учеников, заставлял отречься от тебя. Мои безумцы — Калигула, Нерон, да и вся мощь Рима были направлены против твоей заразы. Но чума распространялась, и

когда Рим заболел, его пришлось разрушить. Одни мои дети уничтожила других... Гунны... Атила! Великие силы пришли в движение... И тогда мне стало ясно, что твоя церковь может быть моей. Моей! Совсем моей! Сначала мелочи: грызня на соборах, гонения ересей, уставы, затем раскол, политики, богатство, затем реки крови крестовых походов, Псы Господни, Святая инквизиция... О, тогда небеса были чёрными от дыма кострищ и пахло жаренной человечины... Запрет книг и науки, фанатизм, и наконец, последний удар — Возрождение. Это было почти язычество... Реформация лишь оформила конец Церкви Петра. После этого лишь загнивание... Принюхайся, чувствуешь? Гниёт! Мещанство веры...

Мешиах. Не всегда, и ты сам это знаешь.

Малхира. Знаю. Но знай, 20 век мой, мой, во всех своих проявлениях, от начала до конца. Здесь всё от меня: войны, уносящие десятки миллионов, политические монстры, громадные корпорации, профсоюзы, биржевые кризисы, модернизм... А ведь столько ещё впереди. Я создал время, в котором тебе места нет!

Мешиах. А ты за меня не беспокойся, я найду себе место. А ты знаешь чего не хватает во всех твоих рассуждениях?

Малхира. Чего?

Мешиах. Слова “человек”. Человек, который всё такой же...

Малхира. Место, говоришь, найдёшь... Зачем искать? Я тебе место уже подыскал. Нравится? Много картин, хорошая библиотека, в карты поиграть можно... Маньяк-психиатр с дебильными вопросами...

Мешиах. Да, место и вправду идеальное.

Малхира. Дурак! Пойми, ты не нужен людям. Им не нужен Господь, если про него не пишут в утренних газетах. И личная жизнь какой-нибудь дурной американской кинозвезды в их жизни занимает больше места, чем месячная молитва.

Мешиах. Я надеюсь, здесь не читают утренних газет.

Малхира. Смешно, смешно... Но глупо.

Мешиах. Зачем ты мне говоришь всё это? Если ты хотел меня разозлить, то зачем успокоил? Если напугать, то лишь утвердил во мне уверенность в моей силе. Если обидеть, то разве может человек обижаться на зверя? Твои предостережения похожи на трусость.

Малхира. Посмотрим, сколько ты вытерпишь...

Мешиах. Я здесь чтобы сделать малость, но кто знает, может быть, она окажется не менее важной чем все твои глобальные изменения.

Малхира. Как хочешь... Дурак! Я ещё посмотрю на твои мучения... Я посмотрю как ты будешь корчиться передо мной! Я БУДУ УНИЧТОЖАТЬ ТЕБЯ В ТЕБЕ! По крупнице. Я всех заберу! Всех и вся! Ареш! (Дикий человек вдруг с яростью бросается на Мешиаха, тот едва успевает отшатнуться. Дикая человек рвётся, но не может дотянуться, так как Малхира держит его на длинной цепочке. Мешиах в шоке убегает.). И это только начало... (Дуклиан и Гёте уходят. Малхира хохочет). И всё-таки сегодня неплохо получилось, а что будет завтра?... Пойдём. (Малхира и Ареш уходят).

Затемнение.

АНТРАКТ

АКТ 2.

“Завязка”.

Сцена 25.

На сцене все пациенты кроме Малхиры и Томас.

Мешиах. ...Пожалуйста, не задавайте мне вопросов. Сегодня не задавайте. Я просто очень рад, что мы познакомились. У меня есть многое, что рассказать, чем поделиться... Единственное, вчера я узнал, что в этом доме есть ещё одно существо, страшное существо, тёмное существо... Я хочу вас предостеречь, потому что оно уже рядом...

Голос Малхиры. Именно! (Все оборачиваются).

Сцена 26.

Внезапно входит Малхира.

Малхира. Сегодня было недурное утро. (Пауза). Я — Дьявол! Моё имя — Малхира! Запомните все — Мал-хи-ра!

Мешиах. Чего ты хочешь?

Малхира. Чего хочу? Мира!

Мешиах. Мира?

Малхира. И согласия. Да... Мне надо кое-что объяснить. Слушайте все! Я слишком стар... Я не знаю сколько вечности мне осталось. И я устал... Иногда очень трудно себе в этом признаться. У меня уже не хватает на это сил.

Мешиах. Ты не врешь?

Малхира. Зачем?

Мешиах. С чего это ты так переменялся?

Малхира. Подумал... Только вот не знаю, примешь ли ты мир от меня? Скажи...

Мешиах. *(Думает).* Да.

Малхира. Хорошо. Нам здесь долго придется жить всем вместе, под колпаком у этого сумасшедшего врача. Так не лучше ли провести это время в покое?

Леди Анна. Вы заключили соглашение?

Малхира. Мы заключили мир?

Мешиах. Пусть будет так.

Малхира. А ведь это событие... Да какое! Давайте выпьем за это!

Мешиах. Я не хотел сегодня пить.

Малхира. Выпьем, выпьем... Это особое вино. Я привез его из Румынии и хранил все эти годы для такого случая. *(Делает знак, Сэм приносит вино и ставит его на столик).* Я сам разолью... *(Идёт к столу с вином).*

Мешиах. Хорошо... Война — это всегда жертвы. Ему не жалко своих рабов — ему жалко себя. Он не любит проигрывать. *(Малхира что-то подсыпает в бокал. Гёте видит это).* Это мир для всех... Я никому не могу в нём отказать. *(Малхира протягивает ему бокал).*

Малхира. Я хочу сказать тост. Берите бокалы...

Гёте. *(Тихо Лейбницу).* Готфрид, как вы отнесётесь к тому, что сейчас произойдёт?

Лейбниц. К этому миру?

Малхира. Я предложил мир Богу не потому, что боюсь. Страх — мой раб. Но потому, что я иногда позволяю себе быть разумным и великодушным...

Гёте. *(Тихо).* У меня просто ощущение, что нас сейчас станет меньше...

Малхира. Так выпьем же за этот вечный мир!

Лейбниц. Что вы имеете в виду?

Гёте. Вы действительно не понимаете что происходит? Это же очевидно. Он сейчас отравит его...

Малхира. Ну что же вы, пейте! *(Мешиах смотрит на вино, собирается выпить).*

Гёте. Малхира же ясно сказал — ему нужен мир.

Малхира. И пусть все, все это видят! *(Мешиах подносит кубок к губам, но Лейбниц грубо выбивает его и уходит. Пауза).*

Кант. Что это было?

Гёте. Шутка. *(Малхира разжимает пальцы, его кубок падает, Малхира уходит).*

Томас. Завтрак готов.

Леди Анна. Прекрасно, пойдёмте завтракать. *(Все уходят).*

Сцена 27.

Выходят Лейбниц и Дуклиан.

Лейбниц. А я тебе повторяю, Роберт, он собирался его отравить. И отравил бы, несомненно отравил. Вольфганг не мог ошибаться.

Дуклиан. Я знаю, знаю... Почему он сразу не вмешался?

Лейбниц. Он не мог.

Дуклиан. Почему?

Лейбниц. Я не знаю. Ты же его лечащий врач, не я — поговори с ним.

Дуклиан. Но он тебе доверяет.

Лейбниц. Я не могу, прости... Он просто не хочет вмешиваться. Он наблюдатель — это его закон.

Дуклиан. Хорошо хоть тебе сказал...

Лейбниц. Хорошо. Иначе ты имел бы сейчас труп в клинике, и конец твоей работе. Только ты не обижайся, Роберт, я не хочу сказать, мол, ты ротозей, а я тебя подстраховал. Просто кто знает, во что это всё может вылиться.

Дуклиан. Всё это ясно, Готфрид. Я предполагал... Просто не ожидал, что он решится избавиться от него так скоро... Мне казалось, старик любопытен.

Лейбниц. Ты думаешь, всё закончилось? А если нет? если он снова попытается его убить?

Дуклиан. Ты прав, это следует пресечь в корне. Но вот как?

Лейбниц. Увези Сатану отсюда! *(Дуклиан молчит).* Зачем он тебе? Нельзя чтобы дьявол был рядом с Господом!

Дуклиан. Они такие же пациенты как и все остальные.

Лейбниц. Он убьёт его.

Дуклиан. Не убьёт. Я не позволю.

Лейбниц. Ты удалишь его отсюда?

Дуклиан. Нет, во всяком случае не сейчас. Мне надо с ним поговорить.

Лейбниц. Как знаешь... А я устал. Я слишком стар, чтобы спасать людей. Мне очень хочется тебе верить. Ты хороший психиатр, наверное, ты понимаешь что-то больше чем я, старый шизофреник. Но...

Дуклиан. Что "но"?

Лейбниц. Я знаю, догадался, что ты затеял что-то большое. Это великолепие, подбор пациентов... Здесь не лечебница — так не лечат. И доктор Перон неожиданно оказался в отъезде в это самое время. Забавное совпадение, не правда ли? Только здесь ты либо выиграл, либо проиграл. Это состязание, Роберт, и состязание не с людьми... Оставь гордость, Роберт, убери дьявола отсюда.

Дуклиан. Я подумаю...

Лейбниц. *(Обречённо покачав головой).* Помогите мне встать.

Дуклиан. Как твои ноги?

Лейбниц. Пока ещё держат... Пока.

Дуклиан. Боли продолжают? Может, съездишь в Гринвич? Там есть один мой друг...

Лейбниц. Не надо, не надо... Я уже перестал обращать внимание... Воздуха не хватает. *(С трудом встаёт, опираясь на руку Дуклиана).* Роберт, я ещё тебя об одном хотел попросить.

Дуклиан. Да?

Лейбниц. Этому мальчику, Фультону, ему здесь не место. Ты видел, Кант очень невзлюбил его.

Дуклиан. Завтра, если погода позволит. Бумаги уже почти готовы... *(Лейбниц собирается уходить. Дуклиан в телефон.)* Пригласите ко мне Малхиру. Сейчас. *(Лейбницу).* Готфрид, спасибо тебе, ты спас мою клинику...

Лейбниц. Почитай Евангелие, Роберт, поговори с Христом, не как врач — как человек, и увези Малхиру отсюда. *(Уходит).*

Сцена 28.

Входит Малхира.

Дуклиан. Вы действительно сделали то, о чём мне рассказали?

Малхира. Да.

Дуклиан. Зачем?

Малхира. Захотелось.

Дуклиан. Значит, я задам вам несколько вопросов, а вы честно мне на них ответите. *(Малхира кивает).* Как вам здесь нравится?

Малхира. Довольно весело...

Дуклиан. Хм, понимаю... Вы пытались отравить пациента?

Малхира. Да.

Дуклиан. Вам он не нравится?

Малхира. Нет.

Дуклиан. Это стало причиной вашего решения?

Малхира. Быть может, если бы...

Дуклиан. Если бы вас не остановил человек?

Малхира. Этот жирный боров не знает, что сделал. теперь всё будет только хуже.

Дуклиан. О чём вы? Вы снова попытаетесь убить его? *(Малхира не отвечает).* Если так, то я...

Малхира. Да ладно, профессор, не пыжьтесь. Пусть живёт этот ваш мессия. Я не трону его, хотя мог бы прикончить его уже тысячу раз. Но я не буду его убивать. Но только вы сами об этом пожалеете...

Дуклиан. Почему?

Малхира. Потому что когда-нибудь ты поймёшь, что лучше бы я отравил его сегодня. Потому что война заканчивается либо миром, либо победой — и мир, и победу ты уже упустил.

Дуклиан. Пообещайте, что такого больше не повторится. Пообещайте! Я жду. Если нет — вы сегодня же уедете отсюда.

Малхира. *(Пауза).* Ну ладно, у вас есть моё слово. И слово это весит не меньше, чем слово Божье.

Дуклиан. И я могу вам доверять?

Малхира. Нет, конечно. Но зато я никого не убью. Вам этого достаточно?

Дуклиан. Хорошо, я второй раз пойду на сделку с Дьяволом. Но на этот раз всё должно быть без обмана.

Малхира. Без обмана... Как вы жалки, выпрашивая у меня то, что вам всё равно не поможет. Вы ведь боитесь, боитесь, профессор... Мне не надо ничего делать. Всё сделают люди.

Дуклиан. Где яд? *(Малхира отдаёт ему флакончик).* Что это?

Малхира. А вы попробуйте на вкус.

Дуклиан. Бросьте ваши шутки, Малхира. Что это?

Малхира. Я вам помогу. Я расскажу вам, что могло бы быть, если бы этот жирный шизофреник Лейбниц остался сидеть. Это началось бы скоро... Наверное, ночью. Тьма пришла бы на землю... Тогда сон его омрачился бы, жуткие сновидения нахлынули бы на него. Он увидел бы демонов. Ему бы показалось, что бесы вселяются в него, расползаются по нему, ласкают его грудь, плечи, шею, облизывают и целуют его тело... Мешиах проснулся бы в холодном поту. Он молится. Молитва успокаивает его, и он снова ложится в постель... Он лежит долго, но заснуть не может. Он чувствует какую-то неловкость, смутное неудобство... И в какое-то мгновение он вдруг поймёт, что не может опустить подбородок. Он пробует опустить его снова и снова. У него начинается паника. Очень быстро до него доходит, что мышцы не слушаются его. Он не может закрыть рот. С безумными глазами и открытым ртом он бросается искать помощи... Вы бы нашли уже лежащим: судороги бы терзали его тело... Всё сильнее и сильнее, и сильнее, и сильнее...

Дуклиан. Господи...

Малхира. В конце концов мышцы спины, шеи и ног сократились бы так, что его бы выгнуло, как мост через ручей. Малейшее раздражение: свет, голос, ваша помощь лишь приносили бы ему больше страданий, вызывая всё новые потоки жесточайших судорог. В конце концов он стал бы рвать себе мышцы и сухожилия, ломать кости... *(Пауза)*. И знаете, что было бы самое забавное?

Дуклиан. О чём вы?

Малхира. Всё это время он был бы в сознании. Яснейшем сознании... Он сдох бы от удушья. Жуткая смерть, когда собственное тело не даёт тебе вздохнуть, а тебе очень, очень хочется. Он бы сдох, а ты бы смотрел на это, и ничего, ничего не смог бы сделать... Ну что, догадались?

Дуклиан. Столбняк...

Малхира. Точно. Столбнячная палочка. Состав прекрасный, действует безотказно...

Дуклиан. Вы проверили?

Малхира. И не раз...

Дуклиан. Вы знаете, Малхира, я вас недооценил. Если бы я знал вас лучше, то не допустил бы в клинику.

Малхира. Допустил бы. Это всё шутки *(указывает на флакон)*. Так, игра... Жизнь, смерть... Но теперь развлечения закончатся. Я не буду трогать твоё стадо, а ты оставишь мне Ареша.

Дуклиан. Вы считаете, что это равноценный обмен? Вы действительно ставите своего... питомца выше всех людей, живущих здесь?

Малхира. Ты не понимаешь, я готов уничтожить человечество за своё животное! *(Уходит, но в дверях сталкивается с Фультоном)*.

Малхира. Ты кто?

Фультон. Я Джонатан Фультон, юрист.

Малхира. Я — Дьявол, и я обожаю юристов! Пошёл вон с дороги! *(Уходит. Фультон ошарашен)*.

Дуклиан. Как ваша работа, Джонни?

Фультон. Продвигается, сэр.

Дуклиан. Очень хорошо, очень хорошо... Продолжайте. *(Тоже уходит)*.

Сцена 29.

Фультон тоже собирается уходить. Появляется Кант.

Кант. Стой! *(Фультон замирает)*. Обернись. *(Фультон оборачивается)*. Джонни, давно мы с вами не разговаривали. Вас что-то беспокоит?

Фультон. Здравствуйте...

Кант. Что-то вы неважно выглядите, как-то подрагиваете. Что такое? Вам здесь не нравится?

Фультон. *(Тихо)*. Нравится...

Кант. Что?

Фультон. *(Громче)*. Нравится.

Кант. Рад за вас. Тем более, я вижу, вы уже совсем здесь обустроились, обжились. Наверное, и домой уже совсем не хочется?

Фультон. Нет, то есть...

Кант. Да вы не стесняйтесь, Джонни, не стесняйтесь — бедность не порок. Приятно ведь пожить в роскоши, правда? Завидуешь, наверное, у тебя-то ничего нет? Скажите откровенно, ведь гложет зависть? А?

Фультон. Нет...

Кант. Знаю, знаю, что гложет. Видно. Всё видно... Зависть, отчаяние... Впрочем, бедность это то, что можно исправить, если есть хотя немного ума или слабый здоровьем родственник-миллионер. Скажите, Джонни, у вас нет случайно родственника миллионера?

Фультон. Нет.

Кант. Нет... Жаль. Тогда у вас нет шансов разбогатеть. Впрочем, не расстраивайтесь. Зачем вам деньги? Как вы будете их тратить? Купите картины, скульптуры, книги? Вряд ли... Скорее какой-нибудь викторианский ангар, забьёте его каким-нибудь старым хламом, пошлыми фарфоровыми овцами и тарелками с пейзажами... Честно говоря, деньги в ваших руках — это то же самое, что монета у хомяка. Но ведь вам это не грозит...

Фультон. Я не обижаюсь на сумасшедших...

Кант. Что? Иж ты... Хм. Я вам дам совет, Джонни: вам не стоит так бросаться словами. Это невежливо и может иметь плачевные последствия. Вам ясно?

Фультон. *(Испуганно)*. Я... Я постараюсь быть осторожным...

Кант. Постарайтесь, но и этого мало. Опять же, руководствуясь исключительно соображениями вашего блага, советую вам уехать, быстро. А пока вы здесь, не суйте ваш воробьиный клюв туда, куда вам его совать не стоит.

Фультон. Иначе что?

Кант. Зачем вам это знать? Вы ещё молодой и наивный человек. Вы можете жить своей маленькой жизнью, получать своё маленькое жалование, удовлетворять свои маленькие потребности и спокойно умереть в старости от водянки, в окружении вашей маленькой семьи. Да, да, Джонни, вы можете найти себе жену. Что, не верите? Я вам говорю — поищите среди деревенских продавщиц или суконщиц, подарите ей трёхпенсовый букет, сходите с ней в кино или варьете. Поверьте мне, если захотите, вы получите своё маленькое счастье. Но не лезьте туда, где вам не место! И это самое лучшее, что вы можете сделать для человечества.

Фультон. Мистер Кант, когда моя работа здесь закончится, я уеду.

Кант. Иногда вы проявляете поразительную понятливость. Вы куда шли?

Фультон. На ленч.

Кант. Я тоже иду туда. Там меня ждёт Анна. Пойдёмте вместе... Потом вы пойдёте кушать свой ленч, а я пойду с Анной. Хорошо?

Фультон. Хорошо... *(Они уходят)*.

Сцена 30.

Выходят все пациенты кроме Малхеры и Мешиаха и Фультона.

Лейбниц. Теперь вы знаете правду. Господь сказал, что теперь каждый должен сделать свой выбор. Выбор между ним и Дьяволом. Подумайте, каждый должен выбрать сам. Я выбираю Христа. Иммануил!

Кант. Я понятия не имею кто такой Христос. Я иду к Малхире.

Лейбниц. Ясно... А вы Анна?

Анна. Они оба хороши. Так трудно выбрать... Эти ссоры между мужчинами.

Лейбниц. Вы же понимаете, леди Анна, этот выбор неизбежен.

Леди Анна. *(Подумав)*. Мал-хи-ра. *(Печально)*. Я такая грешная... Моё место в преисподней.

Лейбниц. Кто ещё?

Да Винчи. Я с вами, Готфрид. И с Христом. Я должен написать этот портрет.

Лейбниц. Джеймс, а вы? *(Максвелл молчит)*. Джеймс, ваш выбор?

Леди Анна. Зачем вы его спрашиваете, он безумен.

Лейбниц. Никому не уйти от этого выбора.

Максвелл. Да, выбор, выбор, выбор, выбор, выбор... Выбор... Мне надо выбрать. Но я не могу. Я не знаю. Правда, Он должен знать? Если так, то я с Христом...

Кант. Я всегда говорил, что христианство — это религия безумных и убогих.

Лейбниц. Мы все безумны...

Кант. А не надо за всех говорить! Анна, мы в меньшинстве. Сейчас исправим. *(Идёт к Фультону)*. А вы, Джонни, с кем бы вы хотели проводить время, со мной, Анной или с этими сумасшедшими?

Лейбниц. Джонни...

Кант. Молчите, Готфрид! Вы хотели внутренний выбор, вы его получите!

Лейбниц. Всем же ясно, он будет выбирать не между Богом и Дьяволом, а...

Кант. Глупости...

Лейбниц. ...а между Христом и женщиной!

Кант. Демагогия, причём довольно дешёвая. Джонни, ваш выбор?

Лейбниц. *(Фультону)*. Он вас искушает — не поддавайтесь!

Кант. Джонни, вы скоро уедете — это для вас шанс...

Лейбниц. Он вас искушает!

Кант. Подумайте, Джонни...

Лейбниц. Не поддавайтесь!

Кант. Такая возможность...

Лейбниц. Не верьте!

Кант. Ваш выбор? Ну же, Джонни, вы с кем? С кем?

Фультон. *(Пауза, совсем тихо)*. Я с Анной...

Кант. Я вас поздравляю, Джонни, кто знает, может быть, у вас есть ещё шанс стать настоящим человеком...

Лейбниц. *(Встаёт и идёт прочь)*. Прости меня, Господи, у меня не хватило сил отстоять его... Не хватило сил побороть его слабость... *(Уходит)*.

Кант. А вы Вольвганг?

Гёте. Что я?

Кант. Ваш выбор?

Гёте. Я не собираюсь никого выбирать.

Кант. Понимаю, это неприятная процедура, но мы должны знать на чьей вы стороне.

Гёте. Мне жаль, но это невозможно.

Кант. Почему?

Гёте. Потому что я не задаю вам таких вопросов, и оставляю за собой право не отвечать на ваши.

Кант. Но тогда что вы вообще здесь делаете?

Гёте. Как что? Я наблюдаю за вами.

Сцена 31.

Они расходятся в разные стороны. Одни идут к Мешиаху. Художник берёт планшет, карандаш и начинает его рисовать. Они разговаривают. Другие к Дьяволу. Там начинается пьянка и вакханалия, дикие выходки, пошлые, неприличные вещи, рогот...

Затемнение.

Сцена 32.

Максвелл один, выходит Мешиах.

Мешиах. Вы меня звали? Вы хотели со мной поговорить?

Максвелл. Да, да... Доброе утро или день?

Мешиах. День.

Максвелл. Не важно... Оно так быстро меняется. Вы уже освободились? Как вам у нас нравится?

Мешиах. Очень комфортно...

Максвелл. Вы думаете? Хм...

Мешиах. Вы хотели со мной о чём-то поговорить...

Максвелл. Я?! Садитесь, садитесь... (*Лихорадочно размышляет*). Я физик. Я, кажется, вам уже говорил это... Физика — странная наука, она делает людей сумасшедшими. Но я здесь не поэтому, нет. моё пребывание здесь — это метафора, иллюзия, фокус. Я их всех обманул! Всех... Это ведь нехорошо? Трудно сосредоточиться... Так о чём это я?

Мешиах. Да вы не беспокойтесь...

Максвелл. Голова болит ужасно. Всё эта погода! Терпеть не могу грозу! Душно! Я расскажу вам... Кому ещё доверять, если не вам? Хотя даже если скажете — никто не поверит. Я сумасшедший, вы сумасшедший... Бред. (*Снова смеётся*). Я работал над энергией. Сейчас многие работают над энергией... Это стало модным, как носить эти дурацкие пиджаки в клеточку. Видели?

Мешиах. Видел...

Максвелл. Идиотские пиджаки, идиотских цветов!

Мешиах. Вы говорили про энергию...

Максвелл. А... да. я занимался энергией взаимодействий. Вы слышали о квантах?

Мешиах. Нет.

Максвелл. Странно... А мне говорили бог всё знает. (*Мешиах пожимает плечами*). В конце концов вы не обязаны передо мной отчитываться.

Мешиах. Я даже если б хотел...

Максвелл. Но это не важно! Я открыл божественную волю в материи. Я открыл суть энергии. Так просто... Они все описывают её свойства, классифицируют её виды, они измеряют её, получают её — но никто не может толком сказать, что это такое! Я могу... Я открыл энергетические свойства материи, пространства и времени. Энергия! Сколько угодно энергии... Гигаватты! Миллионы, миллиарды гигаватт! Из ничего, из пустоты! Бесконечно, безгранично... И я знаю как эту энергию получить! Архимед сказал: “Дайте мне точку опоры, и я переверну мир”. Я говорю: “Дайте мне гравитационное поле, и я достану вам энергию.” И спросите меня, что это значит?

Мешиах. Что это значит?

Максвелл. Благоденствие! Невиданное, невероятное до этих пор благоденствие народов! Я могу устранить единственный барьер, единственное препятствие к изобилию — нехватку производственной энергии. Изобилие для всех — бесплатно! Разве этого мало?

Мешиах. Но зная это, почему вы скрываете своё открытие?

Максвелл. Как-то прохладно... Однажды... Однажды я сидел за столом, думал, не помню даже о чём, и рука моя механически что-то выводила на бумаге. Знаете, как иногда рисуют, а сами не следят что... Я тоже сначала не обратил внимания... А потом (*Показывает листок с каким-то странным рисунком.*) понял... Это бомба.

Мешиах. Что?

Максвелл. Модель устройства, позволяющего высвободить энергию взаимодействия. Бомба, громадной, нечеловеческой, адской мощности.

Мешиах. Её можно сделать?

Максвелл. Не знаю... Может быть. Не сразу, не сразу... При нынешнем прогрессе технологий лет через десять... Не знаю... Я боюсь в это верить. Боюсь! (*Рвёт рисунок*). Я разорвал все её чертежи, все, только здесь, здесь... (*Указывает на голову*). Но есть принцип, кто-нибудь воссоздаст...

Мешиах. Вы боитесь, что ваши открытия используют во зло?

Максвелл. Я не знаю! Не знаю, Господи! Не знаю... (*Пауза*). Господи, я хотел нести добро... Но они же делают страшные вещи! Последняя война унесла десятки миллионов... Зачем им ещё? Я перестал спать, а когда сплю, мне снится только одно... Огонь! Огненная стена в пятьсот футов высотой... Именно такая будет, если взорвать эту бомбу. Огненная стена, расходящаяся от эпицентра и сжигающая всё в радиусе трёхсот миль... Словно сливки на столе, огонь растекается громадным кругом во все стороны, плотный, вязкий... Сотни тысяч градусов, превращающие в газ любую материю... Я видел... Я видел, как она надвигается на город, как дома, небоскрёбы, брызгают стеклом при её приближении, словно у них лопаются глаза, а затем и сами рассыпаются, и их сдувает, растворяет огненная жижа... И бегут люди, и загораются, как свечи, хотя стена ещё далеко... Представьте себе, тысячи бегущих свечей. Ха-ха... Смешно машут руками, сталкиваются, приседают, приплясывают, кричат, как резанные... Волна их нагоняет, срывает остатки горелого мяса с их костей, и люди разлетаются, словно искры от костра...

Мешиах. Господи... Это ужасно.

Максвелл. Я пытался отогнать от себя это наваждения... Тысячи раз пытался. И не мог! Я стал бояться огня, любого огня! Я даже боюсь зажечь спичку, потому что мне кажется, что огонь не погаснет, а разрастётся, разгорится и пожрёт всё... Всё, и я буду виноват в этом!

Мешиах. Вы так страдали...

Максвелл. Я не знаю, что мне делать!

Мешиах. Посмотри на меня, посмотри... Люди предали меня. Люди отрекались от меня, глумились надо мной, обманывали... И всё равно я верил, всей душой верил и верю каждому человеку. Я верил Иуде, верил и любил, и когда он пошёл за мной, и когда поцеловал меня, и когда предал стражникам, и потом... Я доверился Пилату, доверился Ироду, Каиафе, Анне, как сейчас доверился Дуклиану.

Максвелл. Думаешь, так надо?

Мешиах. Я знаю одно: в людей надо верить, потому что всё теряет смысл. Ты боишься, что они используют твоё открытие во зло... Но тогда людям вообще не надо никакого добра, открытий, улучшений... Ничего не надо, ибо нет такой вещи в мире, которую человек, если бы захотел, не смог обратить во зло... Если бы не изобрели порох, они бы продолжали убивать друг друга кинжалами, стрелами, копьями... Не было бы копий — душили бы голыми руками.

Максвелл. Да, наверное... Я не знаю...

Мешиах. Доверься Богу, Он управит.

Мешиах. Я боюсь...

Мешиах. Не бойся, расскажи им. Они поймут. Поймут... Я тебя оставлю сейчас, а потом мы ещё поговорим. Подумай... (*Уходит. Максвелл достаёт коробок и зажигает спичку, смотрит на огонь, бросает спичку и уходит*).

Сцена 33.

Вбегает Катерина.

Катерина. Лорд Дуклиан! Сэр? Где вы? (*Выходит Дуклиан*).

Дуклиан. Что такое? Чего вы кричите?

Катерина. Сэр...

Дуклиан. Тише, спокойней...

Катерина. Лорд Дуклиан, хорошо, что я вас нашла. Меня прислала леди Дуклиан, Алисия...

Дуклиан. Что с дочерью?

Катерина. Она нездорова, сэр. Леди Дуклиан очень просила вас подойти...

Дуклиан. Что-нибудь серьёзное?

Катерина. Не знаю, сэр...

Дуклиан. Ладно, идёмте, идёмте, я посмотрю. (*Уходят*).

АКТ 3.

“Развитие”

Сцена 34.

Ночь. Гроза. Входят грабители Уилл и Поджер.

Уилл. Тише, Поджер, тише, тише...

Поджер. Ставни скрипят.

Уилл. Заходи.

Поджер. Здесь так светло...

Уилл. Камин не погасили.

Поджер. Богатенькие... Денег не жалко.

Уилл. Ну, я думаю, они не обидятся, что мы у них немного поживимся. Ух ты, ничего себе! *(Осматриваются)*. Я то думал, мы с тобой психушку пришли грабить, а попали в Букингемский дворец. Ёё...

Поджер. Я же тебе говорил, Уилл, говорил... А ты не верил.

Уилл. Клондайк!

Поджер. Катерина в деревне рассказывала, что одни картины здесь стоят пятьдесят тысяч фунтов.

Уилл. Пятьдесят тысяч... Ну мы скоро узнаем, насколько это правда. Здесь точно никого не может быть?

Поджер. Нет, нет... У них же это... Режим. Они спят уже. А все работники в другом крыле.

Уилл. Тогда нам надо подойти к делу обстоятельно, ёё. Это твой первый раз, да?

Поджер. Первый, я...

Уилл. Ничего, ничего, научись... У меня семнадцать краж. Шесть лет в Нью-Орлеанской колонии. И к Дьяволу эту Америку! Подумал, да у меня ведь родня в Эксмуре! Племянничек Поджер. И надо же, приехал, и вот сразу такое дельце подвернулось... А? молодец!

Поджер. Я бы без тебя не решился...

Уилл. Погода нам подмогла, Поджер. Кабелёк-то телефонный мы перерезали, ёё, дороги размыло... Никакая полиция раньше завтрашнего вечера сюда не доберётся. А когда спохватятся, мы уже с тобой в Гринвиче. А потом в Америку...

Поджер. Да, лошадей использовать, это ты славно придумал... Им грязь — не грязь, тропу чувствуют.

Уилл. Коньячок кто-то оставил... Давай по рюмочке, чтоб, как это, не простудиться... *(Наливают)*.

Поджер. А за что?

Уилл. За что? За богатеньких докторов, ёё. Пей, пей... *(Пьют)*. И за дело.

Поджер. А что мне делать?

Уилл. Я тут вещички подсоберу: картинки, статуэтки, серебро...

Поджер. А я?

Уилл. А ты... Иди лучше к лошадям.

Поджер. Почему?

Уилл. Тут надо чисто работать. Я сам... Иди к лошадям, Поджер, и будь готов.

Поджер. А если...

Уилл. Тише, тише... Никаких "если". Стой и жди. *(Поджер уходит)*. Ёё, сколько же тут добра... Вот она обеспеченная жизнь мистера Уилла Кокса. *(Наливает себе ещё рюмочку, собирается пить, вдруг из тьмы появляется Малхира. Стакан летит в камин — вспышка!)*.

Малхира. Драгош ар девиниц армегинсекешфехервар! Варпалогар! Драгош! *(Хватает Уилла за горло. Тот пытается достать револьвер, Малхира сжимает горло, Уилл опускает руки)*.

Уилл. *(Сдавленно)*. Не, не убивайте меня... Пожалуйста, не убивайте...

Малхира. *(Пауза)*. Добрый вечер.

Уилл. Что?!

Малхира. Кто ты такой?

Уилл. Пожалуйста, отпустите, отпустите меня...

Малхира. Кто такой спрашиваю?

Уилл. Уилл, Уилл Кокс... Очень, очень больно...

Малхира. Я знаю. Только ты со мной не поздоровался, а это невежливо.

Уилл. 3-з-здравствуйте... *(Малхира отпускает его, Уилл падает, зажимая шею. Смотрит на свои руки — они в крови)*.

Малхира. Приятно познакомиться, Уилл Кокс. Зачем пришёл, грабить?

Уилл. Я... Нет. Я...

Малхира. В гости зашёл. А пистолет зачем?

Уилл. Вы хозяин усадьбы? Вы этот, как его к Дьяволу, Дуклиан?

Малхира. Нет, я хозяин твоей судьбы. И это пока всё, что тебе надо знать, Уилл Кокс. Ты пришёл один?

Уилл. Да...

Малхира. Врёшь. А тот хмырь, что мокнет сейчас у забора с двумя колченогими русаками?

Уилл. Он меня ждёт.

Малхира. Уже нет.

Уилл. Что вы с ним сделали? *(Малхира ухмыляется)*. Что вы с ним сделали?! *(Достаёт револьвер)*. Слушай, дед, я не хочу никому причинять неприятностей... Поговорили и хватит. Я советую, меня не вынуждать?

Малхира. Что?

Уилл. Я сейчас возьму несколько безделушек на память и уйду, ёё. Я не шучу, меня учили стрелять в Техасе... Слышишь, дед? Как всё поменялось, ёё, теперь я хозяин твоей судьбы...

Малхира. Ареш. *(Из темноты на Уилла бросается дикий человек. Он еле успеваает отвести его зубы от горла. Ареш с яростью атакует).* А...Ай... Господи, что это?! Помогите, помогите! Умоляю вас, помогите! Спасите... *(Ареш почти уже добрался до его шеи).* Помогите! Молю!

Малхира. Ареш. *(Дикий человек отпускает Уилла).*

Уилл. *(Ошалело).* Что это?!

Малхира. Моё животное. Оно не любит, когда мне угрожают.

Уилл. Вы не хозяин усадьбы! Кто вы?

Малхира. Как, ещё не догадался? Странно, странно... Я — Дьявол!

Уилл. Кто?

Малхира. Дьявол. Сатана. Вельзевул. Велиар. Азазель. Я Дьявол — Малхира!

Уилл. А... *(Начинает понимать).* Что вы со мной сделаете?

Малхира. А что я с тобой должен сделать?

Уилл. Я не, не знаю... Только держите своего, своё... *(Указывает на Ареша).*

Малхира. Ты зачем сюда пришёл? Грабить?

Уилл. Да.

Малхира. Ну и грабь. Давай, бери всё, что понравится.

Уилл. И вы меня отпустите?

Малхира. Отпущу. Я ведь люблю негодяев.

Уилл. И я могу... *(Указывает на картины).*

Малхира. Можешь, можешь... Картины, серебро в столовой.

Уилл. Даже не верится... *(Начинает снимать картины).* Когда вы появились, я то думал, что мне уже всё, каюк. На охранника вы не похожи... Так, думаю, верно хозяин. Я выпью?

Малхира. Пей.

Уилл. *(Наливает и пьёт).* Ну и руки у вас... Как будто железные крючья в шею впились, ёё. Вы точно меня отпустите?

Малхира. Боишься... Так зачем крадёшь?

Уилл. Нравится.

Малхира. Похвально. А с какой целью?

Уилл. Не знаю... Трудно сказать, сэр. Никогда над этим не задумывался.

Малхира. Ты совершаешь зло, а зачем не знаешь?

Уилл. Вроде того... Сэр, понимаете, если появляется возможность что-нибудь стибрить, ну если знаешь, что кто-то богат, а охраны — нет, или легко проникнуть — почему нет?

Малхира. Почему нет... Ты голодаешь?

Уилл. Нет, что вы, у меня есть приличные сбережения. Я делаю это просто так...

Малхира. Просто так?! ты делаешь зло. Зло! Понимаешь, что это такое?

Уилл. *(Продолжая собирать).* Да мне, в общем-то, плевать...

Малхира. Зло — это тебе не игрушка. Это не пустячок. Не бумажка, которую скомкал и выбросил. Это не мусор! Зло — это великая, великая идея... Красивая идея! Не менее прекрасная, чем идея добра! Как они ценят добро! Поклоняются добру! Боготворят добро! Знаешь почему? Потому что его мало! Потому что оно — ценность! ЦЕННОСТЬ! А зло... Оно опущено... Оно опошлено... Оно низведено до уровня отбросов! Сама великая идея зла дискредитирована такими вот уродами, как ты! Которые сами не знают, что они делают, к чему прикасаются, чему служат! С какой целью! А потому что не ценят! Не ценят! Идиоты... Каждый считает, что зло существует лишь для удовлетворения их бесцельных прихотей... Что злом можно размениваться по мелочам, бросаться им, выбрасывать его... Попользоваться и выбросить... Я — Дьявол! И я этого не позволю! *(Пауза. Неожиданно спокойно).* Ты меня разочаровал, Уилл Кокс. Жаль, жаль... *(Орёт).* Охрана! Сюда! Здесь воры!

Уилл. *(Поражённый).* Что вы делаете?! Вы же обещали меня отпустить...

Малхира. Передумал.

Уилл. Пустите!

Малхира. Ареш... *(Дикий человек преграждает путь).*

Уилл. Умоляю, умоляю вас... Пожалуйста, пожалуйста! Прошу вас! Я больше никогда так не буду, никогда не буду...

Малхира. Зло не прощает неуважительного отношения к себе. *(Входит Мешиах).*

Мешиах. Отпусти его... Отпусти его, он же твой раб, твоё племя.

Малхира. Нет.

Мешиах. Прости его.

Уилл. Простите меня, отпустите...

Малхира. Почему? Почему я должен его прощать?

Мешиах. Я тебя мою, бес. Я...

Малхира. Нет, не хочу.

Мешиах. Разве ты не можешь?

Максвелл. Могу, но не хочу. *(Вбегает персонал клиники).* Это вор, вот его скарб, он мне угрожал расправой, возьмите его. *(Уилл, совершенно сломленный, даёт себя увести. У Малхиры в складках одежды в какой-то момент поблескивает револьвер. Он уходит).*

Сцена 35.

Мешиах один. Темно, какие-то шорохи... Он оглядывается. Никого не видит... Шипение, рык, шорох... Вдруг видит дикого человека. Тот, как зверь, готовится броситься на свою жертву.

Мешиах. Прочь! Сгинь, дьявольское отродье! Не подходи! Не подходи! *(Ареш бросается на него, Мешиах еле успеваает увернуться. Ареш впирается в его ногу, валит его. Борьба... Мешиах вырывается. Дикий человек снова бросается на него, но промахивается, неудачно падает, ударяясь головой о косяк, теряет сознание. Мешиах, с окровавленной ногой убегает).*

Сцена 36.

Появляется Дуклиан.

Дуклиан. Кто кричал? *(Прислушивается, видит Ареша, подбегает к нему, кричит).* Катерина! Катерина! Сюда! *(Выбегает Катерина).*

Катерина. Вы звали, милорд? Господи, что это такое? Это его грабитель так? Жуть какая... Кто это?

Дуклиан. Что вы стоите, помогите мне!

Катерина. Что с ним?

Дуклиан. Дайте свет. В зрачки светите... Да, так...

Катерина. Что с ним?

Дуклиан. Похоже кровоизлияние... Видите гематому? Да... Пульса почти нет. Дыхание...

Катерина. Он умирает?

Дуклиан. По-видимому... *(Входит Малхира).* Нужна трепанация...

Малхира. Я ищу своё животное.

Дуклиан. Здесь ваше... животное. *(Малхира подходит. Пауза).*

Малхира. Что с ним?

Дуклиан. Я не знаю, Малхира. Очень похоже на мозговое кровоизлияние. Он ударился головой, лопнул сосуд...

Малхира. Вы можете его спасти?

Дуклиан. Нет.

Малхира. Никак? *(Дуклиан пожимает плечами).* Я могу дать денег, очень много денег.

Дуклиан. Я не хирург, я не могу...

Малхира. Отойдите от него. Все уйдите...

Дуклиан. Малхира, вы не понимаете...

Малхира. *(Орёт).* Пошли вон! Вон! *(Дуклиан и Катерина уходят. Малхира стоит над Арешем, слёзы текут по его лицу).* Деш абор аментиниаре... Дебчеш Ареш... Дебчеш Ареш... *(Уходит).*

Затемнение.

Сцена 37.

Утро. Вбегают Анна и Фультон. Они мокрые и счастливые.

Леди Анна. Господи, сто, тысячу, миллион лет не бегала под дождём! Какое счастье вы мне подарили, мистер Фультон!

Фультон. Джонни...

Леди Анна. Простите, Джонни. Да, да, конечно, Джонни. Это так замечательно, я как будто в детство вернулась... Как будто стала девочка! Русская девочка! Я помню, мы с моими братьями бегали под дождём... Бегали, вот так же, играли... В Чебоксарах, мы ездили туда по каким-то папиным делам... Начался дождь, мама нас звала в дом, а мы... Как замечательно, вы даже не представляете, как замечательно, что этот дождь застиг нас! Правда это какое-то безумие!

Фультон. Почему безумие? Если вам нравится, если вам хорошо...

Леди Анна. Мне очень хорошо... Это глупо, это неприлично, наверное. Вы знаете, Европа — это раба приличия. Вечная сдавленность корсета... Я так устала от этого...

Фультон. Вам холодно?

Леди Анна. Я вся дрожу...

Фультон. А мне нечем вас укрыть, я сам весь мокрый...

Леди Анна. Я знаю, что мы сейчас сделаем. Мы будем греться!

Фультон. Как?

Леди Анна. Мы будем танцевать! А что нам ещё остаётся? Будем танцевать... Вы танцуете, Джонни?

Фультон. Нет.

Леди Анна. Вы обязательно должны научиться. Танцевать — это же так прекрасно. В Европе это не понимают, поэтому все лучшие балерины всегда были русскими... А я так люблю танцевать! (*Подбегает к грамафону, ставит пластинку*). Сначала чарльстон! (*Играет музыка, она танцует*). Ну что же вы, делайте как я...

Фультон. У меня не получается...

Леди Анна. Глупости. Так, так... А вы говорите не получается. Энергичней, энергичней! Вот так! (*Меняет пластинку*). Теперь танго. Берите меня за талию...

Фультон. За талию?

Леди Анна. Да не бойтесь вы, я вас не укушу. А у вас очень чувственные руки, вы знаете это? (*Танцуют*). Да вы прекрасно танцуете... Вы чувствуете такт... Ну как вам всё ещё холодно?

Фультон. Мне жарко. Мне кажется, я сейчас умру... Я хочу умереть вот так, в это мгновение, рядом с вами...

Леди Анна. Вам хорошо?

Фультон. Я счастлив... (*Музыка кончается*).

Леди Анна. По-моему, мы не сильно просохли... Если бы здесь был Иммануил, мы бы отобрали у него его великолепный, фанфаронский парик и укрылись бы им оба. (*Хохочет*). Нет, действительно, он тёплый... Я как-то спросила у него: “В голову не печёт?” Он жутко обиделся, жутко! Бедняжка Иммануил... Он так умён, что совершенно перестал воспринимать простые вещи. Особенно шутки. Я думаю, если бы я ему сказала, что хочу побегать под дождём, он бы подумал, что у меня менструальный психологический кризис.

Фультон. Я бы не подумал...

Леди Анна. (*Хохочет*). Я бы тоже. И это правильно, Джонни, потому что вы нормальный, хороший человек. И мне с вами очень хорошо...

Фультон. Мне тоже. Только вы совсем дрожите. Я очень боюсь, что вы простудитесь. Я себе этого не прощу... (*Кашляет*).

Леди Анна. Скорее простудитесь вы, Джонни. Вот уж чего действительно я себе не прощу. Европейские мужчины такие хлюпики... Вы единственный человек среди этих истуканов. Давайте с вами вечером пройдемся.

Фультон. Только под зонтиком.

Леди Анна. Да, пожалуй, хорошенького понемножку. До вечера, Джонни...

Фультон. До вечера, леди Анна.

Леди Анна. Анна...

Фультон. Анна... (*Расходятся. Из тени выходит Кант, он был здесь всё время. Странно смеётся, уходит*).

Сцена 38.

Входят Дуклиан и Сара.

Сара. Надо послать за доктором...

Дуклиан. Некого посылать! Некогда посылать!

Сара. (*Начинает плакать*). Что нам делать? Моя девочка... Она больна, Роберт! А вдруг она...

Дуклиан. Перестань! Сара, ты что, не понимаешь? Не понимаешь что происходит? У неё воспаление! Её лёгкие отекают! Она умрёт, если его не остановить! Хватит реветь! Ты её мать, в конце концов! Сейчас пойдёшь в ординаторскую, возьмёшь пенициллин, капельницу, спирт, шприцы...

Сара. А ты куда?

Дуклиан. Я уже двадцать лет ничего не читал по пневмонии. Мне хотя бы надо посмотреть дозировки...

Давай, Сара, соберись. Каждая минута дорога. Я скоро приду... (*Сара со слезами уходит*).

Дуклиан. Томас, если что, я у дочери... Ах как не вовремя всё это... (*Уходит, за ним уходит и Томас*).

Сцена 39.

Входит Фультон, в его руках готовые контракты. Появляется Кант.

Кант. Торопитесь?

Фультон. Я... Я ишу лорда Дуклиана. Я выполнил работу, которую он мне поручал.

Кант. Похвально, похвально... Сложная работа?

Фультон. Нет что вы... Переписал, да, простая работа...

Кант. Очень простая. Слишком простая, даже для вас.

Фультон. Что вы имеете в виду?

Кант. Вы так не находите?

Фультон. Я... не знаю.

Кант. Вы ведь юрист, да?

Фультон. Юрист.

Кант. Очень странно...

Фультон. Что?

Кант. Очень странно, что вам, юридическому клерку, поручается работа, которую за восемь пенсов сделала бы любая машинистка. Это непохоже на Дуклиана.

Фультон. О чём вы?

Кант. Он умеет считать деньги. Зачем ему оплачивать полный рабочий день вашей юридической фирме, когда тот же результат можно получить в десять раз дешевле? Странно... Это подтверждает ту информацию...

Фультон. Какую информацию?

Кант. Я и так сказал слишком много...

Фультон. Какую информацию? Какую, скажите?

Кант. Джонни, вы знаете, я иногда был с вами груб. Я раскаиваюсь... Анна считает вас очень хорошим человеком, а я доверяю её вкусу. Я желаю вам только добра... Мне трудно вам сообщать это... Быть может, это вас шокирует... Но лучше вам это узнать сейчас, чем потом.

Фультон. О чём вы говорите?

Кант. Посмотрите какая странность: вас приглашают в клинику, поручают пустяковую, техническую работу, затем под весьма сомнительным предлогом задерживают в клинике на неопределённый срок. Более того, селят не в крыле, где проживает персонал и где есть специальные комнаты для гостей, а вместе с пациентами. С психически нездоровыми людьми... Вы понимаете о чём я?

Фультон. Н-нет...

Кант. А то, как к вам обратился Вольвганг, увидев вас? Помните? “Новый пациент” — он сказал. А Вольвганг никогда не говорит просто так. вы понимаете, что он говорит только о том, о чём знает наверняка.

Фультон. Нет, нет. Глупости какие-то вы говорите... На что вы намекаете? На то, что я пациент? Но это же смешно... Это же... Нет, нет.

Кант. Всё сходится.

Фультон. Это случайность.

Кант. Всё подстроено, чтобы ввести вас в заблуждение.

Фультон. Нет... Но я юрист. Я приехал сюда по приглашению лорда Дуклиана.

Кант. Вот именно. Но в качестве кого? Все мы приехали по приглашению лорда Дуклиана. А вот попробуйте уехать отсюда, Джонни, попробуйте, и вы сразу увидите, что это невозможно. Вам скажут, что дождь размыл дорогу, что нет свободного автомобиля или что нужно переписать ещё двадцать занюханых бумажек. Найдут любой предлог, лишь бы не выпустить вас отсюда. Вы пациент, Джонни, пациент, психически нездоровый, больной человек.

Фультон. Нет... Это невозможно!

Кант. Это факт.

Фультон. Но как же... Чем же я болен?

Кант. Шизофренией, Джонни, шизофренией. Вы сами этого не замечаете, но шизофрения пожирает вас изнутри... Вам ведь не раз приходила мысль, что что-то не так... Приходила? Приходила. Это она...

Фультон. Но я себя никем не представляю!

Кант. Правильно. А зачем? Зачем? Тут достаточно людей, которые себя кем-то представляют. Бред величия тут на каждом шагу, а вот бред ничтожества...

Фультон. Что?!

Кант. Бред ничтожества — шизофрения, обратная бреду величия. Ваш случай, Джонни... Вы ведь не раз думали о своём ничтожестве, никчёмности, неустроенности... Корили себя за бездарность и глупость. Так? Не знали, что с этим делать... Мучались... Вас угнетало, что вы маленький человек, что у вас нет ни денег, ни талантов. Это болезнь... И чем дальше, тем хуже, тем больше, тем страшнее... Вы чувствуете это? Это шизофрения!

Фультон. Что же будет?

Кант. Будет? Здесь, в клинике, всё будет только хуже, всё будет прогрессировать. Вы будете чувствовать себя всё более мелким, ничтожным, никчёмным, пока в конце концов не превратитесь в ничто, в ноль, в фикус!

Фультон. Нет.

Кант. Взгляните правде сказать, Джонни! Это реальность! Вы — пациент этой клиники. Вас считают шизофреником. И дальше здесь вас ждёт полное уничтожение личности.

Фультон. А что мне делать?

Кант. У вас нет выхода, Джонни! Вы понимаете, что произойдёт? Анна будет наблюдать, как вы превращаетесь в растение! Постепенно, потихоньку, но в растение!

Фультон. Нет.

Кант. Она будет видеть, как шизофрения пожирает вас!

Фультон. Нет!

Кант. Как вы из ничтожества превратитесь в ничто!

Фультон. Нет! нет! нет! Не увидит! Никто не увидит! Никто! Никто... *(Убегает. В это время входит Лейбниц, но Фультон пробегает мимо него).*

Лейбниц. Джонни... Что ты с ним сделал?

Кант. А что такое?

Лейбниц. Куда он побежал?

Кант. Какая разница?

Лейбниц. Куда он побежал? *(Кант молчит, улыбаясь).* Я слышал только последнюю фразу, но если это то, что я думаю...

Кант. Мне плевать, что вы думаете.

Лейбниц. Ты негодяй, Иммануил. Он же совсем дитя...

Кант. Я не собираюсь терпеть чью-либо глупость.

Лейбниц. Куда он побежал, прошу тебя, скажи мне?

Кант. Мне нечего вам сказать. *(Лейбниц отходит).*

Сцена 40.

Лейбниц идёт в номер к Мешиаху. Тот молится.

Лейбниц. Господи, твоей помощи пришёл просить...

Мешиах. Готфрид...

Лейбниц. Очень нужно...

Мешиах. Я помогу, помогу, всё сделаю, только не сейчас.

Лейбниц. Нужно сейчас.

Мешиах. Сегодня ночью... Сегодня ночью произошло что-то... Я сам ещё не знаю, не понимаю — мне надо разобраться, Готфрид. Я больше ни о чём не могу думать, ни о чём... *(Лейбниц думает, затем выходит и решительно идёт к Малхире).*

Сцена 41.

Лейбниц входит в номер Малхиры.

Лейбниц. Малхира.

Малхира. Чего припёрся?

Лейбниц. Мне нужна твоя помощь...

Малхира. Чего тебе надо?!

Лейбниц. Мне нужна твоя помощь.

Малхира. Ты ошибся дверью.

Лейбниц. Нет.

Малхира. С чего ты взял, что я буду тебе помогать?

Лейбниц. С ним случится беда.

Малхира. С кем?

Лейбниц. С юристом, с Фультоном... Кант довёл его. Он мстит за Анну.

Малхира. А мне какое дело?

Лейбниц. Тебе мало смерти одного несчастного существа? Ты ведь знаешь, что произойдёт. Спаси его. Тебе ведь нравятся юристы... Он как ребёнок, он ничего не понимает. С ним случится беда... Он ведь пошёл к тебе, к тебе... Помоги ему. Кант тебя выбрал, он тебя послушает. Спаси Фультона, молю тебя...

Малхира. *(Думает, вдруг в бешенстве).* Идиоты вокруг! Где Кант?

Лейбниц. Внизу... *(Малхира бросается вниз).*

Сцена 42.

Кант. Лорд Малхира...

Малхира. Где Фультон?

Кант. По-моему, мне наконец удалось избавиться от него наше общество. О, это было так легко, даже забавно. Его тупость просто феноменальна...

Малхира. Где он?

Кант. Какая разница? Главное, что мы его больше не увидим. Он так надоедлив и так нуден... Я думаю... *(Малхира хватает его и с огромной силой бьёт об стену).*

Малхира. Мне плевать, что ты думаешь. Закрой рот и слушай! Он остался со мной также как и ты. А это значит, что не тебе решать, что с ним делать! Где он? (*Страшно орёт*). Где он?

Кант. Побежал к морю... (*Малхира уходит. Кант кашляет, отхаркивается, подносит ко рту платок, вытирает губы — на платке кровь. Кант уходит*).

Затемнение.

Сцена 43.

Скала над штормовым морем. Выбегает Фультон. Смотрит вниз. Гром и молния... Удары волн о камни. Он плачет, подходит к самому краю... Появляется Малхира.

Малхира. Давай.

Фультон. (*Оборачивается*). Кто здесь?

Малхира. Меньше вопросов, больше дела. Прыгай.

Фультон. Вы... Зачем вы пришли?

Малхира. Посмотреть, как тебя размажет по скале. Прыгай, а то быстрее померёшь от простуды.

Фультон. Размажет...

Малхира. Как жабу, которую переехал автомобиль. Но перед этим холодная вода... Бездна ледяной воды, о которую тебя ударит... Кожа лопнет, и тысячи ледяных зубов вопьются в твоё мясо, в твои жилы, в твои кости... Мышцы сведёт, ты захочешь вздохнуть, но не сможешь. Удушье, боль, ужас... И в это мгновение огромная, ледяная волна поднимет тебя и понесёт на скалу, чтобы размахать тебя равномерным слоем в дюйм толщиной... Я хочу это увидеть. Прыгай.

Фультон. Я болен... У меня шизофрения.

Малхира. Ну так покончи с ней, прыгай.

Фультон. Я... Я не знаю...

Малхира. Что не знаешь?

Фультон. Не знаю, что мне делать...

Малхира. Хочешь, я помогу тебе решиться? (*Малхира грубо хватает Фультон и почти сталкивает его. Фультон на самом краю, и только Малхира удерживает его от падения*). И даже больше, я могу решить за тебя. Посмотри вниз... Смотри вниз! Видишь, как волны разбиваются о скалу? Хочешь туда? Хочешь в пучину?

Фультон. Нет...

Малхира. Почему? Почему? Отвечай, щенок!

Фультон. Боюсь...

Малхира. Чего боишься?

Фультон. Смерти боюсь...

Малхира. Ну так и не смей смотреть ей в лицо! (*Как куклу, отбрасывает Фультон от края*). Ты недостойн даже произносить это слово — “СМЕРТЬ”! Смерть... Что ты знаешь о смерти? О том, насколько она велика! И ты смеешь своими дрожащими от крысиного страха ножками подходить к ней? А знаешь, почему ты всего боишься? Знаешь, почему этот страх управляет тобой? Почему ты раб его? Почему ты мелок и ничтожен в этих страхах? Потому что в тебе нет уважения! Уважения! Уважения к себе! Уважения к своим мыслям, чувствам, поступкам... Уважения к своим к своей жизни, и уж тем более к своей смерти! К своему страху! Уважай свой страх, и он будет появляться только тогда, когда для этого будет уважительная причина. Уважай своё ничтожество, и оно возвысится. Уважай смерть, и когда она придёт, ты примешь её достойно! А пока не смей даже думать о смерти! Ты понял меня? Ты меня понял?

Фультон. Да... Да.

Малхира. Повтори!

Фультон. Понял...

Малхира. Иди отсюда. И чтобы я больше этих соплей не видел! Иначе я сожру тебя живым. Пошёл! (*Фультон убегает. Малхира кричит ему вслед*). Уважение, Джонни! Запомни, уважение! (*С наслаждением вдыхает штормовой воздух*). Буря... Будет буря! (*Уходит*).

Затемнение.

АНТРАКТ.

АКТ 4.

“Развязка”.

Сцена 44.

Входит Анна, затем Кант.

Кант. Анна...

Леди Анна. А, Иммануил, проходите...

Кант. Мне нужно поговорить с вами.

Леди Анна. Для этого у вас есть прекрасно развитый речевой аппарат.

Кант. Что же, тогда я скажу, что вы обворожительны...

Леди Анна. Спасибо, Иммануил. *(Пауза)*.

Кант. Анна, что происходит между нами?

Леди Анна. Ничего, я вас люблю...

Кант. Вы меня?...

Леди Анна. Я вам это говорила... Я не бросаю слов на ветер. Я вас люблю. *(Он целует её)*. Я вас люблю. Вы сильный, Иммануил, а это значит, что рядом с вами мне не надо быть сильной. Я устала быть сильной за все эти годы... Мне хочется, чтобы кто-нибудь позаботился обо мне...

Кант. Я позабочусь о вас...

Леди Анна. Вы так говорите... А что значит для вас позаботиться?

Кант. Что вы имеете в виду, Анна?

Леди Анна. Да, глупые вопросы я задаю... Я забыла, вам нельзя задавать глупые вопросы.

Кант. Я вас обожаю, Анна, я вас боготворю — неужели вам этого не достаточно?

Леди Анна. Достаточно.

Кант. Вспомните вчерашнюю ночь...

Леди Анна. Это была замечательная ночь... Спасибо вам. Я так давно не спала с мужчиной... А я ведь люблю спать с мужчиной, быть обнажённой, быть в сильных мужских объятиях, приносить ему наслаждение... Я женщина. Я буду спать с вами, Иммануил, если вам хорошо со мной, конечно...

Кант. Я был счастлив, но я не могу ни с кем делить вас.

Леди Анна. О чём вы?

Кант. Об этом никчёмном юристишке Фультоне. Вы проводите с ним слишком много времени...

Леди Анна. Вам кажется...

Кант. Нет.

Леди Анна. Но вы не можете говорить серьёзно.

Кант. Анна, бросьте его, оставьте его. Он недостоин вас.

Леди Анна. Но я же ничего...

Кант. Он вас любит. Он вас хочет. Это же всем видно. Видно, с каким вождением он смотрит на вас. Только вы войдёте, сразу слюни пускает... Он вас раздевает своими рыбьими глазёнками. Всем же было ясно, почему он пошёл к Малхире. И что самое опасное, вы оставляете ему надежду...

Леди Анна. О чём вы говорите, я...

Кант. Бросьте его! Выбросьте его из своей жизни! Не общайтесь с ним больше...

Леди Анна. Вы что, ревнуете, Иммануил?

Кант. К кому, к этому ничтожеству? Это смешно!

Леди Анна. Но он просто забавный человек...

Кант. Вы перестанете с ним разговаривать?

Леди Анна. Мне не нравится ваш тон...

Кант. Вы перестанете с ним общаться? Да или нет, Анна? *(Пауза)*. Да или нет?

Леди Анна. Я буду делать то, что считаю нужным, Иммануил.

Кант. Вы бросите его?

Леди Анна. Нет.

Кант. Вы бросите его?

Леди Анна. Нет! нет! нет! нет! Ты доволен?

Кант. Почему?

Леди Анна. Я... я люблю его...

Кант. Что?!

Леди Анна. Я сама не знаю, что говорю... Вроде слова одни и те же, а говорю о разных вещах... Он делает меня счастливой. С ним я могу быть сама собой. Не знаю... Понимаешь, он добр, отзывчив, непосредствен, откровенен...

Кант. Он туп!

Леди Анна. Он... Да, возможно... Но мне с ним хорошо.

Кант. Ты с ним спала?

Леди Анна. А что, обязательно необходимо спать с человеком, чтобы тебе было хорошо с ним?

Кант. Ты с ним спала?

Леди Анна. Нет... Нет, и никогда не буду.

Кант. Анна, одумайся, одумайся, Анна! Ты сошла с ума! Подумай, что ты говоришь. Подумай! Я понимаю, что тебе приятно завести очередную игрушку. Завести милое, славное, доброе, домашнее животное. Но это же не любовь!

Леди Анна. Что ты можешь знать про любовь? Для тебя душа — уже очередная игрушка... Любая душа, даже своя... Игрушка для твоего бескрайнего, безжалостного ума... В тебе так мало теплоты, Иммануил...

Кант. Теплоту ты найдёшь в радиаторе! Анна, одумайся...

Леди Анна. Не хочу.

Кант. Что он может дать такое, что не могу дать я?

Леди Анна. Понимание...

Кант. Понимание? Да это просто нонсенс! Анна, ты увлечена, по-детски увлечена детской же непосредственностью... Женский инфантилизм на мужскую недоразвитость! Невинное увлечение без всяких обязательств. Но посмотри, наконец, правде в глаза! Здесь нет никакой любви! Здесь не может быть никакой любви! Ты не можешь полюбить ничтожество! Тебе нужна сильная опора... Тебе нужен мужчина, а не щенок... Мужчина, с которым с одинаковым удовольствием можно было бы и поговорить и переспать.

Леди Анна. Хватит! Твой сарказм невыносим. Ты прав, мне нужен мужчина, а не бесчувственный, холодный, эгоцентричный мозг с членом! *(Пытается уйти)*.

Кант. Нет, ты так не уйдёшь! Я люблю тебя! Ты не смеешь так уйти! Я обожаю тебя! Слышишь? *(Пытается её поцеловать)*.

Леди Анна. Не смей со мной так поступать, подонок! *(Бьёт его по лицу и уходит. Затем уходит и Кант)*.

Сцена 45.

Выходит Максвелл, в его руках толстый конверт, звонит, появляется Сэм.

Сэм. Чем могу быть полезен, сэр?

Максвелл. Да, да... Я вызвал, я. Письмо...

Сэм. Простите, сэр?

Максвелл. Нужно отправить письмо в Британское физическое общество... Очень ценное письмо.

Сэм. То самое, которое вы держите в руках, сэр?

Максвелл. Да, да... это. Письмо, очень важное письмо в Британское физическое общество...

Сэм. Разрешите, сэр... *(Пытается взять письмо, но Максвелл. Не отдаёт)*. Сэр, я отправлю, не беспокойтесь...

Максвелл. Нет! *(Резко вырывает письмо)*. Не надо! Не надо! Я передумал... Потом... Позже... Мне надо кое-что дописать, да, переделать.

Сэм. Вы уверены, сэр?

Максвелл. Да, в чём? В чём здесь можно быть уверенным? Вы издеваетесь надо мной! Все издеваются надо мной...

Сэм. Простите, вы меня не...

Максвелл. Уходите! Уходите! *(Сэм пожимает плечами и уходит. Максвелл смотрит на письмо. Вдруг появляется Малхира и вырывает письмо у него из рук)*.

Малхира. Ну ка посмотрим, что у нас здесь... *(Вскрывает письмо)*.

Максвелл. Отдайте! Отдайте, это моё! Моё!

Малхира. Тише. Чего скандалишь? Я просто посмотрю... *(Смотрит листки)*. Цифры, цифры, цифры...

Максвелл. Это моё открытие...

Малхира. Открытие? Что, земля всё-таки круглая?

Максвелл. Я знаю, как можно получать энергию... Сколько угодно энергии.

Малхира. А я люблю огонь. Яркий, большой... *(Максвелла передёргивает)*. Что, боишься его? Почему?

Максвелл. Он сказал, я должен отдать своё открытие людям...

Малхира. Кто сказал?

Максвелл. Господь...

Малхира. А... Этот. А ты что, не хочешь?

Максвелл. Я не знаю...

Малхира. Чего не знаешь?

Максвелл. Не знаю, что делать... Я боюсь... Боюсь, что люди из него сделают бомбу.

Малхира. Конечно сделают.

Максвелл. Что?

Малхира. Первое, что они сделают, будет бомба. Это же очевидно! А ты на что надеялся? Если твои мыслишки в этих бумажках позволяют это, они в первую очередь пустят их на оружие.

Максвелл. Но я не хочу... Я...

Малхира. Всем плевать, что ты хочешь. А ты что думал? Им нужна война! Генералы любят войны. Они любят разрушительные войны, вселенские войны, бесконечные войны... Им нужны идиоты, которые будут придумывать для них оружие.

Максвелл. Но я другое хочу принести людям...

Малхира. Люди — свиньи. Свиньи и гиены! Во всяком случае подавляющее большинство. Свиньи пожирают дерьмо, в котором же и валяются... Гиены пожирают свиней. Вот тебе модель современного общества. Они уничтожают друг друга миллионами. Ты дашь им повод, они сделают оружие, и ни одна свинья не пикнет, потому что ей важнее всего сохранить нагретое, изгаженное место под собственной задницей! Даже если вокруг погибнут все! Все!

Максвелл. Но как же энергия?

Малхира. Энергия... На хрен им твоя энергия? Я вообще понять не могу зачем они полезали с деревьев? Запомни ты, физик-утопист, людишки ничего не решают, они — пушечная мясо для кучи негодяев, которым наплевать на своих поданных и которые пускают их в расход при первом же случае. А знаешь как это всё называется?

Максвелл. Как?

Малхира. Государство. В реальном мире всё решают не люди — всё решает государство. А государству нужно оружие, понимаешь?

Максвелл. А что мне делать?

Малхира. Уничтожь это... *(Кидает ему письмо)*. Сожги, разорви... Не думаю, что их это надолго остановит, но хотя бы твоя совесть будет чиста... *(Уходит. Максвелл подбирает конверт, думает, рвёт и уходит)*.

Сцена 46.

Выходит Фультон. Он несколько оправился. Прихорашивается, причёсывается, ждёт Анну. Но появляется Кант.

Кант. Ждёте кого, Джонни?

Фультон. Это не ваше дело.

Кант. Какой у вас обиженный голос. Вы на меня за что-нибудь сердитесь?

Фультон. То... То, что вы мне сказали сегодня — это неправда. Я спрашивал у лорда Дуклиана, он сказал, что это вы так шутите. Никакой я не пациент, и могу в любую секунду покинуть Персив-холл.

Кант. Так он и сказал вам правду...

Фультон. Я не пациент.

Кант. Естественно, вы не пациент — это же было очевидно.

Фультон. Но вы говорили...

Кант. Я шутил. Дуклиан прав, конечно это была шутка. А вы всё так близко приняли к сердцу... Засомневались в собственном умственном здоровье. Да?

Фультон. Я больше не хочу с вами разговаривать.

Кант. А придётся, Джонни... И мне плевать, хотите вы этого или нет.

Фультон. Вам больше не удастся меня запугать!

Кант. Иж ты, как заговорил... Как заговорил... Не удастся, говоришь? А зачем мне вас запугивать, Джонни? Кто вы такой, чтобы мне вас запугивать? Да вы не стоите даже, чтобы я сделал... *(Вдруг)*. Гав! *(Фультон шарахается, Кант хохочет)*. Храбрый, оловянный солдатик. Ждёшь свою принцессу?

Фультон. Это не ваше дело...

Кант. Ты что, серьёзно думаешь, что у тебя могут быть какие-то отношения с Анной? Неужели ты туп настолько, чтобы серьёзно так думать? Искренне веришь, что она может увидеть в тебе что-то? Да? Джонни, вот это действительно показатель психического расстройства... Вот где Дуклиану впору побеспокоиться.

Фультон. Я не желаю вас слушать. Я пойду... *(Собирается уходить)*.

Кант. Я разговаривал с Анной. Она говорила о тебе... *(Фультон возвращается)*.

Фультон. Что она сказала?

Кант. Ты же собирался уходить. Иди.

Фультон. Что она обо мне сказала?

Кант. А ты на меня голос не повышай.

Фультон. Пожалуйста, я прошу вас, скажите... Я прошу вас.

Кант. А что она могла мне сказать? Сказала, что вы мелкий, ничтожный, никчёмный человек, который интересуется её лишь как декоративная игрушка, безделица, призванная скрасить монотонные будни в этой клинике.

Фультон. Не может этого быть!

Кант. Может.

Фультон. Она не могла такое сказать.

Кант. Откуда ты знаешь? Что вообще ты можешь знать про эту женщину? С твоими ли мыслишками, с твоею ли душонкою, дотрагиваться до её женственности, красоты, ума... Ты же не способен её оценить. Ты ничего не знаешь о ней. А она о тебе знает всё! Всё! Понимаешь? Я бы на твоём месте ужаснулся...

Фультон. Она такое сказала?

Кант. И даже больше. Даже больше, Джонни. Когда я употребил по отношению к вам слово мужчина, она просто расхохоталась. Тушканчик — да, дитёнок — да, но мужчина — нет! Нет!

Фультон. Перестаньте, я прошу вас.

Кант. О чём ты меня просишь? Ты же сам хотел узнать, что она о тебе думает. Ну вот узнал. И неужели ты удивлён?

Фультон. Перестаньте... Не надо.

Кант. И знаешь, что самое страшное? Что самое нелепое и опасное в тебе, Джонни? Ты ведь действительно не болен. Нет, не болен... Ты здоров как молодой бульдог. Это-то и страшно. Будь у тебя шизофрения или гангрена, ты и то был бы менее опасен. Но ты здоров... И при этом глуп и слаб. Нет ничего страшнее и опаснее в этом мире глупости и слабости. Всё, все до единой проблемы этого мира: бедность, войны, преступления, деградация происходят от глупости. От глупости, Джонни! От твоей глупости! От глупости серого, уродливого, безликого большинства. Вас надо держать в клетках. Мало того, что вы глупы, мало того, что вы слабы и трусливы, вы же ещё при этом хотите что-то решать. Вы же ещё претендуете на управление! Вы же ещё агрессивны и наглы. Вы, животные, не даёте ничего сделать нормальным людям... Вы должны на коленях стоять, высунув языки, и ждать, что вам скажут! Ждать с благодарностью и надеждой! А вместо этого лезете и лезете, и лезете, и лезете, как тараканы, как клопы, как бактерии!

Фультон. Замолчите...

Кант. Человек имеет разум и волю! Волю, понимаешь? Я этим обладаю, Анна этим обладает, любой другой здесь этим обладает. А ты — нет! У тебя нет разума! Нет воли! Ты — не человек! *(Собирается уходить)*.

Фультон. Я... Я человек... Я человек, и у меня есть воля. *(Громко)*. Я человек!

Кант. *(Пауза)*. Да неужели? Человек... Тогда тебе придётся это доказать. *(Хватает нож для резки бумаги и идёт на Фультона)*.

Фультон. *(Испуганно)*. Что вы хотите сделать? Что...

Кант. Показать тебе, что может человек. *(Неожиданно кладёт свою руку на стол и с размаху пробивает её ножом)*.

Фультон. Господи! Вы сумасшедший...

Кант. Нет... Я просто человек, а ты? Готов ли ты доказать, что не слабее меня? Доказать, что хоть что-то можешь! Что человек? Готов? *(Вырывает нож, хватая руку Фультона)*.

Фультон. Пожалуйста...

Кант. Человек, говоришь...

Фультон. Не надо, прошу...

Кант. Сейчас проверим. Предупреждаю, будет больно. *(Бьёт, Фультон дико кричит и обмякает)*.

Фультон. Нееееет... *(Поворачивает голову и видит, что нож воткнут в дюйме от руки. Кант отходит. Фультон плачет, опускается на колени. Пауза.)*

Кант. Обмочился... Теперь тебе ясно, кто ты? Теперь тебе ясно, что ты из себя представляешь? Тебе ясно, что одно нахождение тебя и Анны на одной планете — уже нонсенс. Хотя нет, ты кое на что всё-таки сгодишься... *(Макает палец в собственную кровь и рисует на лице Фультона клоунскую улыбку)*. Ты шут... Шут. Шут! *(Дико хохочет)*. Только воняешь ты скверно — смени штаны. *(Выходит, ему на встречу входит Томас)*.

Томас. Сэр...

Кант. *(Томасу)*. Чего стоишь, дурак! Ты видишь, я истекаю кровью! Антисептики и бинт мне, быстро!

Томас. Сейчас, сэр... *(Томас и Кант уходят. Фультон один, подходит к зеркалу, дотрагивается до лица, убегает)*.

Сцена 47.

Фультон плачет, вешается. За обоими этими сценами безучастно наблюдает Гёте.

Сцена 48.

Выходит Дуклиан и Сэм. К ним подходит Гёте.

Дуклиан. Вольфганг, вы меня звали?

Гёте. Поздно... Вы шли слишком долго...

Дуклиан. Что такое? Я опоздал на что-то?

Гёте. Опоздали... Фультон повесился.

Дуклиан. *(Пауза)*. Когда?

Гёте. Только что...

Дуклиан. Кант?

Гёте. Да.

Дуклиан. Господи... Господи... Господи... Недоглядел! Ах... *(Выходят Анна и Лейбниц)*.

Леди Анна. Он действительно угрожал ему?

Лейбниц. Пожалуйста, леди Анна, успокойте Джонни. Ему так нужна поддержка сейчас...

Леди Анна. Да я буду оберегать его, как батальон полиции! (*Смеётся, видит Дуклиана*). Что произошло?

Дуклиан. Леди Анна, вам лучше сейчас вернуться в ваш номер.

Леди Анна. Что произошло? Что-то серьёзное? Что-то с Джонни?

Дуклиан. Леди Анна, я прошу вас вернуться в ваш номер!

Леди Анна. Где Джонни? Где он? (*Пытается пройти*).

Дуклиан. Остановите её! Леди Анна! Леди Анна, вам нельзя туда! (*Анна вырывается, видит Фультон. Её догоняют Лейбниц и Дуклиан*). Леди Анна... Я же говорил... (*Анна подносит палец к губам, разворачивается и уходит*).

Дуклиан. (*Сэму*). Пожалуйста, Сэм, скажите, чтобы кто-нибудь посидел с ней... Катерина, да, скажите ей... Потом возьмите кого-нибудь и снимите тело.

Лейбниц. (*Подходит к телу Фультон*). Прости, прости меня, старого осла, прости... (*Плачет*). Я не досмотрел... Я... (*Хватается за сердце*).

Дуклиан. Готфрид, Готфрид, что с тобой, плохо? Тебе помочь?

Лейбниц. (*Тихо*). Не надо... Не надо мне помогать. Поздно помогать.

Дуклиан. Готфрид...

Лейбниц. Не надо, Роберт, поздно... (*Отворачивается. Дуклиан уходит*).

Сцена 49.

Входят Максвелл и Да Винчи, им уже сообщили, затем входит Кант, у него забинтована рука. Он смотрит на тело Фультон.

Кант. Повесился всё-таки... Первый волевой поступок в его жизни. Жаль, что и последний...

Лейбниц. Не смей так говорить! Не смей! Ты — мерзавец! Он был ни в чём не виноват, ни в чём! Он никому ничего плохого не сделал! ни одному человеку! Он был безобиден... А ты... Чудовище! Хищное, озлобленное чудовище, готовое разорвать любого, кто слабее...

Кант. Поменьше экспрессии, Готфрид. Это того не стоит...

Лейбниц. Ты — негодяй! Ты — мерзавец! Я при всех это говорю. Я в лицо тебе это говорю... В твоё умное, самодовольное, самоуверенное лицо! (*Пауза*). Я вызываю тебя на дуэль.

Кант. Что?

Лейбниц. Дуэль. Если ты не трус...

Кант. Хватит кричать. Хочешь дуэль? Дуэль из-за этого ничтожества? Пусть будет дуэль. Жду всех через двадцать минут. (*Уходит. Затем уходят все*).

Сцена 50.

Выходят Да Винчи, Гёте, Кант и Лейбниц. Выбегает Сэм, в его руках шпага.

Кант. Где вас столько носило?

Сэм. Я сумел найти только эти...

Кант. Ничего, ничего... Шпаги благородное оружие. Сэм, я вам вот что хочу сказать... (*Отводит его в сторону, суёт деньги*). Вот ваши деньги, сто фунтов, как договаривались. Но деньги ничего не значат. Будьте сильным, я вам уже говорил это. Будьте сильным — сила отличает человека. Сила не эта — сила ума, воли... Иначе вы будете существом второго, третьего сорта... Животным на двух ногах.

Сэм. Да, мистер Кант, я понял. Теперь я знаю как надо...

Кант. Молодец. (*Оборачивается ко всем*). Твоя шпага, Готфрид. Ещё не передумал? По лицу вижу, не передумал. Напрасно, напрасно... Ты хоть сам понимаешь, что делаешь? Зачем тебе-то умирать из-за этого пустышки? Зачем тебе, солидному, умному человеку терять жизнь из-за повесившегося юридического клерка? Зачем?

Лейбниц. Атакуйте... (*Делает выпад... Кант шутя отбивает его, затем сам делает удар... Лейбниц отбивает. Дерутся.*).

Кант. Я думаю, ни один нормальный человек не расстроится из-за его смерти. На его фирме возьмут какого-нибудь другого идиота — благо их тысячи... Сестрица поплачет... А потом подумает, как использовать освободившуюся комнату. Друзей у него нет...

Лейбниц. А Анна?

Кант. Анна переживёт. А вот ты, Готфрид, я сомневаюсь... (*Делает выпад, Лейбниц с огромным трудом неуклюже отбивает, Кант по инерции падает. Зло.*). Ну всё, пора это заканчивать. Хочешь загнуться ради этого хоряка — имеешь полное право! (*Яростная атака, удар, Лейбниц отводит его, но шпага утыкается ему в ногу. Пауза*). Скажи “оп”! (*Нажимает, шпага насквозь протыкает ногу. Лейбниц кричит от боли, замахивается своей палкой, но Кант, элегантно увернувшись, отходит*). Я убью тебя как тореро быка. Я вгонию шпагу в твой загривок... В твой жирный, мясистый загривок. А потом посмотрю как ты будешь

подышать здесь. Ну что, твоё время закончилось... Прощай. (*Готовится ударить, вдруг кто-то заслоняет Лейбница от него. Кант не сразу понимает, что это Малхира. Пауза*). С дороги! С дороги! Уйдите или, я клянусь, я за себя не отвечаю!

Малхира. Мы с тобой потом поговорим...

Кант. Лорд Малхира...

Малхира. Я же тебе сказал — потом!

Кант. Чёрт... (*Бросает шпагу и уходит. Лейбниц оседает, из ноги хлещет кровь*).

Малхира. Он ранен! Врача. (*Сэм стоит*). Я сказал, врача сюда! Быстро! (*Сэм убегает. Малхира Лейбницу*). Что ты делаешь?

Лейбниц. Он убил его... Убил... Затравил. Джонни был совсем беззащитным... А он...

Малхира. Что ты делаешь? Ты, высоко нравственный человек, а лезешь в драку, как последний шалопаи!

Лейбниц. Я должен был что-то сделать...

Малхира. Ты много сделал. Тебе это зачтётся...

Лейбниц. Но я не спас его...

Малхира. (*Всем*). Почему вы допустили? Почему никто не сказал? Эх вы... (*Лейбницу*). Держись...

Лейбниц. Чёрт с ними, с ногами... Они и так уже не ходили...

Малхира. (*Орёт*). Где врач?! (*Вбегают Сэм и санитары*).

Сэм. Всё готово для перевязки.

Малхира. Сюда... Зажмите рану. (*Сэму*). Держи, рукой, да, с двух сторон держи... Чувствуешь кровь, тёплую, живую кровь? Держи руку! Эта кровь из-за тебя... (*Уходит*). Мальчишки... (*Лейбница уносят, затем уходят и другие. Последним уходит Гёте*).

Сцена 51.

Выходят Томас и Дуклиан.

Дуклиан. Как его рана?

Томас. Для жизни неопасная, сэр...

Дуклиан. Кто им дал шпаги?

Томас. Сэм... Но он говорит, что Кант его заставил.

Дуклиан. Сэм уволен.

Томас. Осмелюсь заметить, сэр, это не поможет. В клинике...

Дуклиан. Я сам знаю, Томас, что в клинике. Столько лет подготовки... Всё может рухнуть...

Томас. Вам надо самому...

Дуклиан. Я не могу сам! Не могу! Там лежит моя дочь! Она не может дышать, понимаете, почти не дышит...

У неё отёк лёгких, который я не в силах остановить. Она может задохнуться в любой момент... Господи! Я не могу её оставить... Я за одну ночь прошёл курс педиатрии, который в университете проходят два года. Я должен бороться за её жизнь... Бороться и победить. Во что бы то не стало... (*Пауза*). Я так устал... Я вас очень прошу помочь мне.

Томас. Конечно, сэр...

Дуклиан. Если что, я у дочери... (*Уходит. За ним уходит и Томас*).

Сцена 52.

Входит Кант. Появляется Малхира.

Кант. Я вас ждал...

Малхира. Считаю что дождался.

Кант. Проходите... Коньяк, вино, шерри?

Малхира. За такое дело лучше выпить шампанского, не правда ли?

Кант. Думаете?

Малхира. Конечно, конечно... Такая замечательная комбинация. Вас можно только поздравить. Разом избавились и от этого ничтожного Фультона и от надоедливого борова Лейбница. Это успех, Иммануил, настоящий, заслуженный успех...

Кант. В этой ситуации, я думаю, каждый получил то, что заслужил.

Малхира. Несомненно... А вы в результате получили истинный триумф. Я как Дьявол вас поздравляю. Поздравляю, да... Вот только какая штука...

Кант. Что такое?

Малхира. Ты говорил, что в мире существуют два типа человеческих существ: низкие, слабые и тупые, которые никакой ценности для прогресса человечества не представляют, а по сему уничтожение их — дело благое и полезное, правильно? И высшие, умные и сильные, которые должны этими уродами управлять. Так?

Кант. Да, но...

Малхира. Так вот, я одного не могу понять, с чего это ты себя к высшим причислил, а?

Кант. То есть как?

Малхира. Что в тебе высокого? Ум? Ну так умишко твой, как оказалось, раб... Раб твоей низкой, холопской ревности. У тебя другой бабу увёл, вот ты и придумал мыслишку, теорийку, почему ты хороший, а его убить надо... Красивая мыслишка, тонкая... Мол от глупости все проблемы человечества. А ревность-то твоя глупой оказалось, плебейской... Ревность! Жаба, которая тебя душисть стала, когда ты понял, что тебя бросают. *(Смеётся)*. Вот и весь твой ум...

Кант. Нет, вы...

Малхира. Да, да... Жаба! Обыкновенная, тупая, человеческая жаба. И сила твоя хвалёная где оказалась? Где она была, когда ты исходился от злобы и ревности? Пытался ведь бороться с ней, пытался, а силёнок не хватило. Слабоват оказался... Сила то у тебя в словах, а на деле — тряпка!

Кант. Нет! Не так...

Малхира. Так. Сам знаешь, что так, а признаться боишься, — значит ещё и трус. Смотришь на меня, лыбишься, а поджилки трясутся. Трясутся ведь... Трус! Что ж, велика победа слабого до смерти довести и старика на дуэль вызвать...

Кант. Это не я...

Малхира. Молчи пока я говорю! Так вот учти, что и сильнее тебя может кто-нибудь оказаться. Это в твоей твоей мыслишке не предусмотрено? Боишься? А если и вправду так... Ты ведь тогда даже повесится не сможешь. У тебя силы не хватит — испугаешься! Трус. Холоп. Идиот. Воняет от тебя... Твоё место в загоне, а не здесь. Пошёл вон с глаз моих.

Кант. Да как вы смеете...

Малхира. *(Орёт)*. Пошёл вон! *(Идёт прямо на Канта, тот пугается, пятится. Малхира подходит к нему вплотную. Тихо)*. Пошёл вон. *(Кант убегает. Малхира доволен, тоже уходит)*.

Сцена 53.

Кант подбегает к тому месту, где повесился Фультон. Он полон решимости покончить с собой, берёт верёвку, набрасывает на шею петлю и... Не может. Садится, почти плачет. Он уничтожен.

Сцена 54.

Выходит Анна. Она странная, в руках её роза. Кант видит её, бежит к ней, бросается ей в ноги.

Кант. Анна... Умоляю тебя, Анна... Прости меня, прости меня! Я не могу без тебя! Анна... Я люблю тебя! Слышишь? Люблю! Я теперь... *(Она ничего не отвечает, уходит. Кант. Встаёт и уходит вслед за ней)*.

Сцена 55.

Катерина ввозит инвалидное кресло, в котором сидит Лейбниц с забинтованной ногой. Появляется Мешиах.

Мешиах. Готфрид, слава Богу, я тебя нашёл.... Я не понимаю, что происходит в клинике? Никого нет... Где все? Дуклиана нет. Номер Фультон пуст...

Лейбниц. Фультон умер.

Мешиах. Как?

Лейбниц. Повесился.

Мешиах. А с тобой что? Ты поранился?

Лейбниц. Лучше бы я убится...

Мешиах. Что ты такое говоришь, Готфрид? Что происходит?

Лейбниц. Мне трудно сказать, Господи...

Мешиах. Готфрид, Готфрид...

Лейбниц. Я не хочу сейчас разговаривать... Я вообще не хочу разговаривать...

Мешиах. Ты обиделся на меня за что-то?

Лейбниц. Нет... Я не могу на тебя обижаться. Я просто надеялся, до самой последней секунды надеялся... У меня одного не хватило сил, а никто мне так и не помог. Я поздно обратился к Малхире.

Мешиах. К Малхире? Но он же Сатана! Он же зло! Одумайся...

Лейбниц. Теперь мне уже всё равно... Поехали, Катерина. *(Она его увозит)*.

Мешиах. Готфрид, одумайся... Он же тебя охмурил. Он всех охмурил. Это же всё подстроено! Это его козни... Он предупреждал, что так будет... В первый же день. Он всё спланировал. Готфрид, он пойдёт на всё, чтобы прибрать к рукам ваши души... Готфрид, Готфрид, одумайся пока не поздно... *(Лейбниц уезжает. Мешиах думает о чём-то, затем уходит)*.

Сцена 56.

Выходит Гёте. Он был тут всё время. Появляется Томас.

Томас. Сэр...

Гёте. Да...

Томас. Все знают, что вы единственный человек в этой клинике, который реально осведомлён о том, что происходит.

Гёте. Вы преувеличиваете...

Томас. Простите, но никакого преувеличения здесь нет. Вы в курсе всего. Вы видели, как сюда пробрались грабители, вы были свидетелем обоих разговоров мистера Фультона и мистера Канта, и вы знали, чем они могут закончиться...

Гёте. Ну знал, что с того?

Томас. И вы знаете ещё многое, о чём я не знаю...

Гёте. Так что вы от меня хотите?

Томас. Помощи... Вы же знаете, как развиваются события...

Гёте. Я не могу вмешиваться.

Томас. Но почему?

Гёте. Томас... всю свою жизнь я старался строить свои отношения с миром на паритетных началах. Я терпеть не могу, когда кто-то лезет в мои дела, в мои мысли, в мою душу. Мне приходится жёстко пресекать любые попытки таких вмешательств. Взамен же, я отказался от вмешательства в дела мира... Это честно.

Томас. Но нельзя быть отстранённым всё время.

Гёте. Можно.

Томас. А если на ваших глазах будет умирать человек?

Гёте. Уже умер.

Томас. И что, неужели в вашей душе ничего не шевельнулось?

Гёте. Моя душа — это моё дело.

Томас. Конечно, сэр. Вы не обязаны... Это ваше право, конечно, быть в стороне от всего. Только так не получится. В этом мире отгородиться невозможно. Хотите вы этого или нет, но то, что происходит, меняет вас. Вы не можете это остановить... А впрочем, как вам будет угодно, сэр. Наблюдайте, наблюдайте дальше... *(Уходит. Гёте отходит).*

Сцена 57.

Выходит Максвелл. Он перевозбуждён, расстрёпан, нервен. В его руках какие-то бумаги.

Максвелл. Нет... Нельзя, нельзя... Нельзя! Нет! Не будет... *(Садится, кладёт перед собой бумаги. Достает спички и поджигает их).* Никому! Никогда! *(Гром).* Огонь! Да, Огонь! Пусть... Огонь... Ой, Огонь... Не подходи... Не подходи ко мне! Не надо огня! Не надо огня! Нет! нет! нет! *(Его начинает трясти, у него приступ. Он плачет, его начинает бить в судорогах).*

Гёте. Джеймс. *(Тот не отзывается. Гёте думает, не может решиться, наконец подходит к телефону).* Сэр Роберт?

Максвелл. Взрыв... Огонь... Не надо огня! Пожалуйста! По-жа-луй-ста!

Гёте. Вам следует прийти в холл. Максвелл. *(Кладёт трубку, подходит, тушит бумагу и уходит. Вбегает Дуклиан и Катерина).*

Дуклиан. Сюда... *(Склоняется над ним).* Помогите мне.

Максвелл. Огонь! А... Огонь! Огонь... *(Всё время бредит).*

Катерина. Он дерётся...

Дуклиан. Шизофренический криз. Морфий!

Катерина. Сколько?

Дуклиан. Пять. Быстрее! Он ломает себе позвоночник... *(Максвелл не переставая кричит, отбивается, царапается, судороги его усиливаются).* Катерина, быстрее! Джеймс, Джеймс, успокойтесь... Это я... Успокойтесь... Вы же себя покалечите. *(Вбегает Катерина со шприцем).* Закачайте ему рукав... Я подержу. Давайте, давайте... Жгут. Вводите. *(Катерина делает инъекцию).*

Максвелл. Жжёт! Горю! Горю! Горю! Все сгорят! Все! Огонь... *(Успокоительное начинает действовать. Максвелл затихает).*

Катерина. Затих...

Дуклиан. Пусть поспит... Шизофрения вернулась в это тело. Теперь её не остановить... *(Поднимает Максвелла и уносит. За ними уходит и Катерина).*

Сцена 58.

Выходит Мешиха, осматривается.

Мешиах. Что же это такое... Двое уже мертвы. Дьявол прибрал всё к рукам... Они гибнут... Господи, что же мне делать? Ждать, когда он убьёт всех? Нет, так нельзя — со злом надо бороться! С Дьяволом надо бороться! Бороться! Только дай мне силы, Господи... (*Появляется Да Винчи*). Леонардо...

Да Винчи. А, здравствуйте, здравствуйте...

Мешиах. Леонардо...

Да Винчи. Простите, я тороплюсь.

Мешиах. Куда?

Да Винчи. Писать, я художник, писать...

Мешиах. Портрет?

Да Винчи. А? Что? Да, портрет... Божественный портрет. Да...

Мешиах. Но он же был уже готов? Я видел...

Да Винчи. Нет, нет... Кое что надо подправить... Обязательно. Я художник, художник... Мне надо писать... (*Уходит в свой номер*).

Мешиах. Леонардо, я хотел с вами поговорить.

Да Винчи. Потом, ладно? Мне надо закончить портрет. (*Уходит*).

Мешиах. И он... Это нельзя терпеть! (*Уходит*).

Сцена 59.

Выходят Сара и Дуклиан.

Дуклиан. Самое страшное позади... Отёк уменьшается. Она будет жить! Она будет жить, Сара!

Сара. Роберт. (*Обнимает его, слёзы текут по её лицу*). Роберт... Роберт... (*Они счастливы, они уходят*).

Сцена 60.

Все пациенты в своих номерах. Мешиах идёт к Малхира.

Малхира. Я ждал, что ты придёшь... Проходи.

Мешиах. Доволен, да?

Малхира. Невежливо так начинать разговор, тем более со старшим...

Мешиах. Ты всё поучаешь. Тебе ли поучать?

Малхира. Странные дела в этом доме творятся, Мешиах.

Мешиах. Это твои дела.

Малхира. Нет, не мои... Может быть, и хотел бы, чтоб были мои...

Мешиах. Лжёшь. Вижу, что лжёшь, чувствую, что лжёшь. Твоих рук дело, не могло без тебя обойтись... Ты всё подстроил. Сначала расколол их... На дочь Дуклиана болезнь наслал, чтобы он тебе не мешал... Потом своих уничтожил, Фультон убил... А потом, за остальных принялся... Максвелла до безумия довёл, не отпирайся, я спрашивал, ты говорил с ним последним. Всех обманул. Всех... Помнишь, что ты сказал тогда, ну когда мы впервые встретились здесь, ты сказал, что всех приберёшь... И прибрал... Вот я и спрашиваю: доволен ли ты?

Малхира. Ты сам не понимаешь, что говоришь... Ты запутался.

Мешиах. А... Теперь за меня принимаешься. Да? больше уже ни кого не осталось, за кого бы ты мог добратся. Один я...

Малхира. Ты? Что ты знаешь о себе? Что ты знаешь о том, что здесь произошло...

Мешиах. Я знаю, что это ты во всём виноват. И я знаю, что должен остановить это зло.

Малхира. Это и есть твоя "вселенская" миссия?

Мешиах. Да... Зло надо уничтожить.

Малхира. Уничтожить... Какое страшное слово. Сколько в нём сокрыто ненависти, злобы, жестокости... Уничтожить. Конец нагорной проповеди, да?

Мешиах. Нет, не конец... Но это война...

Малхира. Война... Слишком уж стар я для войны...

Мешиах. Опять лукавишь.

Малхира. Ты слишком мало сделал для Сына Божьего. Мало сделал тогда... И ничего не сделал сейчас. Ты не принёс людям ни спокойствия, ни благоденствия. Ты принёс благоденствие себе. А им лишь обещания, за которые они думатся уже две тысячи лет... И за которые умирают здесь и сейчас.

Мешиах. Я дал им выбор. Они должны сами...

Малхира. Сами... Ты бросил их! Повисел на кресте и бросил! Оставив им лишь своё имя для повторения и молитв. Да, теперь они умирают с твоим именем, убивают с твоим именем, ругаются с твоим именем... Ну и что? Счастливы ли они? И теперь ты смеешь обвинять меня в том, что здесь произошло? Обвинять меня в том, что происходило здесь две тысячи лет? Или обвиняешь их, неразумных и брошенных? Или себя?

Мешиха. Я не мог дать им больше...

Малхира. Обязан был! Или грош тебе цена, тебе и твоему отцу! Обязан был дать больше! Обязан был не уходить! Столько погибло... Столько замучено... Столько развращено... И ты чист после этого? И ты безгрешен после этого? Ты просидел в своей комнате, чувствуя, что здесь происходит, но пальцем не пошевелил, чтобы остановить зло — и ты безгрешен после этого? (*Смеётся*). Знай, да на тебе клейма негде ставить. Это тебе говорю я — Дьявол Малхира! Они не скажут, они бояться, им нужен рай — я не боюсь! Ты виноват! Ибо ты соучастник всякого преступления, во все времена, так как знал о них и не предотвратил! Даже не попытался! Думал, раз Бог значит в стороне? Нет! Я не знаю, что там происходит с их душами после смерти, как ты их там судишь — я бес земной, живу здесь, среди них. Но мне было бы стыдно смотреть им в глаза на твоём месте! Стыдно!

Мешиха. Хватит! Хватит! Ты ничего не понимаешь... Не знаешь... Я... (*Зажимает голову руками, выбегает*).

Малхира. Ты... Что ты? Это противостояние... Не надо противостояний... Все, все мы рождаемся Христами, но в противостояниях жизни перестаём ими быть, а некоторые из нас становятся Дьяволами! Не надо противостояний... Никакая победа, никакой выигрыш, никакой результат, не смогут восполнить той частички, казалось бы ничтожной частички души, которой мы жертвуем в противостоянии... Через борьбу мы ухудшаемся... Даже через борьбу со злом...

Сцена 61.

Мешиха спускается, уходит и возвращается с мечом Малхиры. В это время в комнатах клиники:

Максвелл бьётся в конвульсиях, шепча одно и то же слово...

Кант сидит с Анной. Она спит, но сон её неспокоен. Кант пьёт вино, руки его дрожат, глотки судорожны, слёзы...

Лейбниц сидит без парика, до боли сжимая свою палку...

Да Винчи неистово пишет картину. Он замазывает портрет Мешиха и чёткими мазками намечает контуры лица Малхиры...

Гёте чего-то ждёт...

Малхира достаёт пистолет, который когда-то отобрал у грабителя, проверяет, заряжен ли.

Мешиха с клинком возвращается...

В холл входит Дуклиан. Гёте делает ему какие-то знаки...

Мешиха входит в номер Малхиры. Малхира убирает пистолет. Мешиха зарубает его мечом.

Дуклиан вбегает слишком поздно...

Затемнение.

“Эпилог”.

Сцена 62.

Несколько лет спустя. Нью-Йорк. Гостиница. Дуклиан один. Он очень постарел. Стук в дверь...

Дуклиан. Да... (*Входит горничная*).

Горничная. Сэр, к вам гость.

Дуклиан. Кто?

Горничная. Какой-то русский господин. Доктор Стра... Стравински.

Дуклиан. Стравинский?

Горничная. Именно, сэр.

Дуклиан. Пусть войдёт... (*Горничная впускает Стравинского, уходит. Дуклиан продолжает сидеть*).

Стравинский. Здравствуйте, сэр Роберт. Мы с вами давно не виделись...

Дуклиан. Да... Какими судьбами в Нью-Йорке?

Стравинский. Конференция... Вы не принимаете уч...

Дуклиан. Нет.

Стравинский. Тогда что вы делаете в Америке, если не секрет?

Дуклиан. Преподаю в Беркли... психиатрию. Выпьете чего-нибудь: джин, виски? Нет? А я выпью... Я в последнее время много пью. Алкоголизм. Очень забавно исследовать клинические проявления заболевания на собственном организме. Так о чём это я?

Стравинский. Об Америке...

Дуклиан. Да... После того... Лицензию на практику у меня, естественно, отобрали... Клинику закрыли. Такой шум в прессе, какие заголовки: “Три трупа за три дня — новый метод лечения доктора Дуклиана” или “Доктор Дуклиан — доктор Смерть”... Это было забавно... Хорошо хоть дело до суда не дошло... Мне пришлось уехать из Англии. Здесь, в Америке, им плевать на твоё прошлое. Половина населения здесь бывшие каторжники и подонки...

Стравинский. Вы не практикуете сейчас?

Дуклиан. Нет, только преподаю.

Стравинский. Я понимаю...

Дуклиан. Вряд ли вы меня понимаете. Точно не хотите выпить? Есть водка...

Стравинский. Нет, спасибо... А ваше открытие?

Дуклиан. Какое открытие... Не было никакого открытия. Был слишком самоуверенный психиатр, который очень сильно поплатился за свою самоуверенность.

Стравинский. А что стало с вашими пациентами?

Дуклиан. Да, это вопрос интересный... Интересный. Мешиаха отправили в тюремную клинику в Бирмингем. Он раздвоился: завёт себя от Христом, то Дьяволом... Часто плачет.

Стравинский. А остальные?

Дуклиан. Кант тоже переведён в другую клинику. Говорят, он стал очень тих, послушен, почти кроток.

Стравинский. А женщина, которую он...

Дуклиан. Леди Анна? Её так и не удалось привести в чувство. Она так и не заговорила. Ни на что не реагирует, почти не ходит... Я передал её очень хорошему специалисту, доктору Харрису...

Стравинский. Да, я слышал, он очень хорош...

Дуклиан. Шансов почти нет... Лейбниц умер через три месяца. Сердце... Максвелл умер ещё раньше. Ему, бедняге, не повезло... Шизофрения сожгла её изнутри. Полный отказ нервной системы... Хм, так боялся огня, а сам “сгорел” за две недели...

Стравинский. У вас же был ещё художник?

Дуклиан. Да... Леонардо Да Винчи. Он нарисовал свой портрет, его также перевезли куда-то... Он вполне счастлив. Правда одной вещью я всё-таки могу похвастаться...

Стравинский. Какой?

Дуклиан. Одно-то пациента я всё-таки вылечил. Вольфганг Гёте, ныне Иоганн фон Гронинген, уехал из Британии, сейчас преуспевающий банкир где-то в Лозанне... Иногда звонит, спрашивается...

Стравинский. Ясно...

Дуклиан. Да, занятная деталь. Когда Малхире сделали вскрытие, выяснилось... Хм... Старик у оставалось два месяца. Рак позвоночника... Да... Поэтому он никогда ни сидел...

Стравинский. Он об этом знал?

Дуклиан. Знал. Он, должно быть, испытывал адские боли... Два месяца, всего два месяца... *(Пауза)*. Нью-Йорк такой шумный горд, не правда ли?

Стравинский. Да...

Дуклиан. Точно не хотите выпить? Или я это уже спрашивал?

Стравинский. Нет, спасибо. У меня сегодня ещё выступления...

Дуклиан. Как хотите...

Стравинский. Мне пора, я пойду...

Дуклиан. Хорошо. Желаю вам успехов.

Стравинский. До свидания...

Дуклиан. И Александр...

Стравинский. Что?

Дуклиан. Никогда не соревнуйтесь с Богом, это плохо кончается... *(Пьёт. Стравинский уходит. Дуклиан один, он стареет на глазах)*.

Затемнение.

26 Ноября 2001г.